

Российский институт стратегических исследований

М. Б. Смолин

ЦЕРКОВЬ,
ГОСУДАРСТВО
И РЕВОЛЮЦИЯ

Москва
2013

УДК 21:322
ББК 86:2
С51

Смолин М. Б.
С51 Церковь, государство и революция : [сб. ст.] / М. Б. Смолин ; Рос. ин-т
стратег. исслед. – М. : РИСИ, 2013. – 94 с.
ISBN 978-5-7893-0165-4

В предлагаемое издание вошли историко-философские эссе кандидата исторических наук М. Б. Смолина, посвященные таким темам, как самобытность русской государственной власти, взаимоотношения государства и церкви, а также идеологическому и историософскому осмыслению революции в России.

УДК 21:322
ББК 86:2

ISBN 978-5-7893-0165-4

© Смолин М. Б., 2013
© Российский институт
стратегических исследований, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Идеологическое и историософское осмысление революции в России	5
Самобытность идеала русской государственной власти	30
Взаимоотношения государства и Церкви: церковно-правовой взгляд	59

Идеологическое и историософское осмысление революции в России

Социальная идея Революции в 1917 г. смогла победить государственную идею Империи. Слом революцией имперского мира России на долгие годы поставил перед всеми мыслящими русскими людьми гигантскую по своим масштабам проблему осмысления этого исторического факта.

Революция стала тем событием, перед осознанием которого пасовали и продолжают пасовать очень многие умы, стараясь всевозможными интеллектуальными вывертами сгладить грандиозность произошедшего обвала русской жизни и попытаться хоть как-то "вплести" революцию в историческую канву русского существования. "Интеллектуальная трусость" и псевдомиротворчество двигали прежних и нынешних комментаторов исторического процесса в России к "естественному" введению революции в поры русской истории. Глобальность революции многие из них хотят свести лишь к простому акту смены власти в февральские дни 1917 г.; революция преподносится лишь как этап эволюции русской истории. Современные учёные испытывают глубокую робость перед метафизической значимостью такого события, как революция, поскольку оно вызывает необходимость выяснения смысла истории вообще и истории России в частности.

Россия как крупнейшая составляющая православной цивилизации

Деление мира на Восток и Запад не является простым и симметричным. Географические "Восток" и "Запад" состоят из разных цивилизаций, главным условием существования которых является самобытность, непохожесть и оригинальность. Именно индивидуальные особенности цивилизаций порождают политическую независимость и жизненную силу разных государств, входящих в них. Россия, являясь крупнейшей и ведущей составляющей православной цивилизации, в своём государственном развитии доросла до всемирного масштаба, став объектом мировой истории.

Вся русская история сродни жизни христианина и представляет собой череду духовных подвигов и греховных падений, накопления и оскудения, государственного строительства и анархического разрушения. Двадцатый век был веком, когда маятник национальной психологии давал наибольшее отклонение от царского, срединного пути, избранного нашими предками в конце позапрошлого тысячелетия, пути построения автаркийного расширяющегося православного мира.

История русского мира существенно отличается от развития соседних цивилизаций. В России не было того феодального строя, установившегося в Европе, который сформировал враждебные классы, породил борьбу королевской власти с феодальной аристократией. На Руси не было создано крупного землевладения, находившегося не в руках Дома Рюрика. Разросшаяся династия Рюриковичей "окняжила" землю, на Западе же земля попала в руки знатных родов.

Формированию большого Московского государства способствовали несколько причин: концентрация земель в руках московской линии Рюриковичей, а затем и вымирание этой линии после царя Феодора Иоанновича. Вторая причина позволила новой династии владеть Московской "отчиной" и отказаться от удельной системы, поддерживавшейся всеми московскими рюриковичами, каждый из которых выделял своим сыновьям уделы во владение. Романовы окончательно превратили вотчину Рюриковичей в Московское царство, а князя-вотчинника – в государя, но власть сохранила свою родовую частноправовую черту.

Владение землёй в Московском государстве разделялось на вотчинное владение (наследуемое во владетельном роде) и на поместье (не наследуемое) и зависело от службы государю. За верную службу землю дарили либо во временное, либо в наследственное пользование. Неисполнение государевой службы или немилость приводили к отобранию дарованного.

Разрушение системы русского государства

Эта система начала разрушаться только во второй половине XVIII столетия, после реформы, освободившей дворян от обязательной службы. С этого момента в государственную систему было введено структурное противоречие: одни продолжали служить, другие получали право не служить.

"Праздность", всё более увеличивающееся число неслужилых дворян и "освободительные" идеи 1789 г. весьма быстро сформировали "новых" людей, вступивших в конфликт с исторической Россией. Слишком непохоже

было Отечество историческое на "отечество" вновь приобретённое, через прогрессивное воспитание и чтение революционных книжек.

Декабристы как первый продукт подобного воспитания были людьми ещё совсем юными и не знали Россию, а если и любили её, то только такую, какую представляли сами в будущем через призму полученных идейных установок у разнообразнейших европейских учителей.

За декабристами появились такие постдекабристские типы, как Герцен и Огарёв, петрашевцы и Белинский. Это были "новые" люди, "интеллигенты", испытавшие влияние декабристского мифа при формировании своего мировоззрения. Они уже не дворяне, не купцы, не мещане, не крестьяне, а нечто бессловное, внесловное, но идейно единое. У них отсутствуют сословно-профессиональные служивые идеалы, но есть ощущение особой "призванности" переделать весь русский мир по своему образу и подобию. Они как бы становятся над Россией и вне её, в отличие от исторических представителей русских сословий, которые ощущали своё единство с общерусским государственным телом и свою роль видели в словесном служении имперским задачам России.

Один консервативный писатель начала XX в.¹, пытавшийся осмыслить "феномен" русской интеллигенции, сделал следующий вывод из своего исследования: "Вопрос об "интеллигенции" – исключительно русский вопрос. В мире или, что почти то же, на западе – такими большими кусками "новые породы людей" не откалываются

¹ Соколов Николай Матвеевич (1860–1908) – русский мыслитель, политический публицист, литературный критик и поэт. Окончил С.-Петербургскую духовную академию.

от своего народа... Сильная в критике, она [интеллигенция. – Прим. авт.] детски беспомощна в работе. Можно установить, как правило, что чем интеллигентнее наша интеллигенция, тем ниже уровень культурной жизни"².

Новые люди всё XIX и начало XX столетия кричали, что они "задыхаются", что дальше так жить невозможно и никакого примирения со старым монархическим режимом быть не может. "Без сомнения, – как пишет Л. А. Тихомиров³, – субъективно они были правы, как субъективно прав и сумасшедший, воображающий, что его преследуют чудовища. Но существовали ли эти чудовища в действительности?"⁴

Был ли реальный исторический самодержавный режим столь непримиримо ужасен и нетерпим?

"Русский царизм, – писал уже будучи в эмиграции И. Л. Солоневич⁵, – был *русским* царизмом: государственным строем, какой никогда и нигде в мировой истории не повторялся. В этом строе была политически оформлена чисто религиозная мысль. "Диктатура совести", как и совесть вообще, *не может быть* выражена ни в каких

² Соколов Н. М. Об идеях и идеалах русской интеллигенции. СПб., 1904. С. 412, 425.

³ Тихомиров Лев Александрович (1852–1923) – знаменитый русский религиозный и политический мыслитель, публицист, мемуарист. До 1888 г. был главным идеологом революционной "Народной воли", затем стал монархистом. Автор фундаментальных исследований "Монархическая государственность" и "Религиозно-философские основы истории".

⁴ Тихомиров Л. А. Борьба века. М., 1896. С. 11–12.

⁵ Солоневич Иван Лукьянович (1891–1953) – знаменитый русский публицист, беллетрист, спортсмен и политический деятель эмиграции. Автор многократно переиздававшихся книг "Россия в концлагере" и "Народная монархия".

юридических формулировках, – совесть есть религиозное явление. Одна из дополнительных неувязок русских гуманитарных наук заключается, в частности, в том, что *моральные религиозные* основы русского государственного строительства эта "наука" пыталась уложить в термины европейской государственной *юриспруденции*. И с точки зрения государственного *права* в истории Московской и даже Петербургской империи ничего нельзя было понять; русская наука ничего и не поняла. В "возлюби ближнего своего, как самого себя" *никакого* места для юриспруденции нет. А именно на этой православной тенденции и строилась русская государственность. Как можно втиснуть любовь в параграфы какого бы то ни было договора?"⁶

Старый строй отрицался не из-за недостатков или жестокости, а во имя мечты о новом, будущем строе, что вполне доказала последующая "освободительная" история. Как только революция не смогла дать этого несбыточного будущего, сразу же строй, данный революцией, был атакован ещё более радикальными реформаторами. На протяжении многих поколений новые демократические идеологи открывали каждый свой "совершенный" строй для всех времён и народов. Все они искали гармонию, которой не было в душах, и надеялись найти её во внешних условиях. Следовали бесконечные смены одних социальных утопистов другими. Революционность бытоулучшателей носила и носит характер болезненной перманентности.

⁶ См. "Миф о Николае Втором": *Солоневич И. Л.* Трагедия Царской Семьи // Великая фальшивка Февраля и другие статьи. Буэнос-Айрес : Наша страна, 1954. С. 152.

Идея автономной личности и социальная религиозность

Источник этой духовной болезни крылся в идее автономности личности, результатом которой был бунт против Творца. "Новая эра" отказалась от старых христианских "предрассудков" – от веры в Бога, от монархического государства, от сословного общества и т.п. Однако душа человеческая оставалась хоть и искажённой, но всё же душою христианской, т.е. воспитанной христианскими идеалами.

"Революционное состояние" современной личности, возомнившей себя автономной от Создателя и всё более покушающейся заместить собою Творца, представляет опасность для любого общества.

Никогда ранее мир не жил с такой напряжённостью ожидания разрешения всех общественных проблем. Никогда ещё не было столько критики социальных устоев, никогда ещё не бывали столь сильно подвергаемы сомнению религиозные основы общества.

"Конечно, – писал Л. А. Тихомиров, – история наполнена множеством восстаний и переворотов, более или менее внезапных, но это были, так сказать, военные столкновения враждующих партий, где восставшие захватывали для себя место низвергнутых, без дальнейшего превращения революции в систему реформы. Идея революции, быстрого переворота всего мира, имела место лишь в христианском учении о конце мира... Процесс порождения революционной идеи из христианства... начал

совершаться с отбросом религиозного мировоззрения при сохранении христианской психики"⁷.

Либеральная демократия, отбросив веру в Бога, попыталась оставить христианские нравственные понятия. Но, оставляя лишь высокие христианские идеалы без веры в Личного Бога, без духовной жизни и без упования на спасение в загробной жизни, человек оставался с нереальными требованиями перед крайне ограниченным материальным миром.

Психология социальной религиозности усваивалась ещё во времена учёбы, из которой выносилось убеждение, что мир устроен плохо и требует переделки. С одной стороны – суеверие, мрак, деспотизм, бедствия; с другой – наука, разум, свет, свобода и земной рай.

Такое религиозное представление об абсолютном есть достояние иного мира, а не земной действительности. В земном мире нет безусловного, всё состоит из оттенков. Религиозное же чувство не терпит компромисса в вопросах веры, оно не терпит никаких уступок, когда речь идёт о его социальной вере. В секулярном сознании произошёл перенос религиозной веры из сферы церковной в сферу политики. Отсюда все эти "пламенные революционеры" в "пыльных шлемах".

Церковная вера была заменена светской верой – верой в прогресс, в земное благополучие. Религиозное дерзновение, религиозное рвение, подвижничество, религиозная борьба с грехами в секулярном сознании привели к политической деятельности, борьбе с инакомыслием,

⁷ Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории / Л. А. Тихомиров ; сост., вступ. ст. и коммент. М. Б. Смолин. М. : Москва, 1997. С. 525–526. (Пути русского имперского сознания).

к революции. Революция становится идеалом новой религии прогресса.

В этом процессе далеко не последнюю роль сыграла духовная праздность культуры "серебряного века". По сути, она стала культурной революцией, т.е. была концом великой культуры XIX столетия.

К концу XIX в. наиболее популярными стали идеи деизма, рационализма, позитивизма и материализма. На рубеже веков неожиданно для многих произошёл "духовный переворот" – на русское общество хлынул поток всевозможной языческой мистики в виде спиритических, оккультных, теософских, буддистских, индуистских и прочих учений (Алана Кардека, Блаватской, Папюса, Штейнера и местных их адептов).

Эти новые "духовные" веяния во многом стали "дúхами времени" рубежа веков, теми дúхами, которыми наполнена культура "серебряного века" – со всевозможными фантазиями Андрея Белого, спиритуалистическими сеансами в салонах Мережковского и Гиппиус, "дианисизмами" Георгия Иванова и т.д. и т.п.

В одной из своих статей рано умерший русский философ Дмитрий Болдырев⁸ очень удачно определил состояние человека этой культуры: тело его, "как на радениях, бьётся в конвульсиях", "язык раздражается глоссолалиями, а глаза уходят в видения"⁹.

И действительно, тело человека "серебряного века" бьётся в конвульсиях новых танцев (вроде танго), язык

⁸ Болдырев Дмитрий Васильевич (1885–1920) – русский философ, любимый ученик Н. О. Лосского. Участник Гражданской войны. Один из идеологов армии адмирала Колчака. Умер в большевистской тюрьме.

⁹ *Болдырев Д. В.* Два бреда // Свободная Пермь. 1919. № 58. 27 марта.

бессвязно бормочет то стихами, то прозой о том, что глаза видят в морфийно-гашишных или гипнотических видениях. В этом полубморочном, полубессознательном, фантазийно-возбуждённом, материально благополучном и духовно-сонном состоянии находилось русское интеллигентное общество в преддверии "всероссийского взбалтывания".

Особую роль в подготовке общества к принятию революции сыграла дореволюционная школа. Именно старая школа, пропитанная идеологией "освободительного движения", старалась заложить в своих выпускниках принципы вненациональности, внеконфессиональности, внегосударственности, из чего выросла особая космополитическая воронья стая – российская революционная интеллигенция.

Начала и концы революции.

Либералы и социалисты

Сама революция в России не могла бы шагнуть так радикально далеко, если бы либеральное общество не сочувствовало революционерам столь открыто.

"Смиранные" либералы и радикальные революционеры были как начала и концы единого революционного мирозерцания, внутри которого либералы занимаются раскачкой традиционного общества, а революционеры довершают дело его разрушения самым актом революции.

Путём либеральной пропаганды появляется целый революционный слой, замыкающийся в "партию" и создающий особый мир отщепенцев, готовых к борьбе с остальной нацией. Либерал, почти всегда имевший

возможность открыто и легально высказывать свои суждения, готовил себе страшного ученика в социализме, не останавливающимся на личности, на том, что не преодолено либералами в их непоследовательности в разрушении "старого" мира. Социалисты уже не строят своё общество на чисто психологической основе, как либералы, видевшие в государстве только комбинацию человеческой воли и свободы. На смену индивидуалистическому либерализму шла следующая фаза развития – социализм со своим сверхколлективизмом.

Большинство исследователей либеральной и социальной демократии, да и сами либералы и социалисты, считают себя противоположными друг другу. "И, – как пишет Л. А. Тихомиров, – до известных пределов они правы. Лягушка очень отлична от головастика. Но тем не менее, это всё-таки дети одной матери, это различные фазы одной и той же эволюции"¹⁰.

Революция 1905–1907 гг. и реформированная Россия

Бюрократия в 1905 г. почти поголовно выражала сочувствие революции. Революции была дана свобода роста. "Начальство ушло", как говорил В. В. Розанов, манкируя своим долгом, что раззадоривало левых и раздражало правых. Налицо был главный "властный грех" – неиспользование власти, что приводит к революциям и всевозможному гражданскому беспределу. "Нет ничего гнуснее, – писал 11 февраля 1905 г. в своём дневнике

¹⁰ Тихомиров Л. А. Демократия либеральная и социальная. М., 1896. С. 56–57.

Л. А. Тихомиров, – вида нынешнего начальства – решительно везде. В администрации, в церкви, в университетах... И глупы, и подло трусливы, и ни искры чувства долга. Я уверен, что большинство этой сволочи раболепно служило бы и туркам, и японцам, если бы они завоевали Россию"¹¹.

Когда в Москве, отрезанной революцией от всей страны в октябре 1905 г., известный правый публицист М. О. Меньшиков, рассуждая о необходимости введения в России определённых свобод, призывал поискать нечто лучшее, нежели "Перехватать! Перестрелять! Перевешать!", другой правый публицист, А. А. Башмаков¹², в своей газете решительно заявил: "Мудрое и сильное правительство должно выработать себе твёрдую программу такого рода: народу дать и реформы, и попечение, и законы, обеспечивающие его развитие и благосостояние, а для бунта существует картечь, и тут вилять нечего"¹³.

Для реформирования необходимо было сначала сохранить империю, подавив влияние революционных сил, а уж затем приступить к обновлению государственного строя.

¹¹ 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. М. ; Л., 1930. Т. 2. С. 64.

¹² Башмаков Александр Александрович (1858–1943) – русский политический публицист, юрист, панславист, знаменитый этнограф и путешественник. Был главным редактором "Правительственной газеты" – ведущего органа правительства П. А. Столыпина. Будучи доверенным лицом председателя Совета министров, А. А. Башмаков всегда выражал нечто большее, нежели своё мнение, поэтому к нему многие прислушивались.

¹³ Башмаков А. А. За смутные годы : публицист. ст. и речи. СПб., 1906. С. 177.

Проповедуя народовластие, представители либерального лагеря никогда не обращали внимания на неорганичность этого принципа для русской действительности. Действительности значительно отличной от западноевропейских стран, где народовластие имело глубокие традиции в государственном основании, где население исторически сформировалось и сжилось с этими традициями. Это невнимание А. А. Башмаков объяснял тем, что сама "возможность осмысленного и критического восприятия этой чужеземной пищи устранилась тою страшною силой гипноза, которая царила в смутные годы, когда мода требовала повиновения духу времени и отказа от всякой попытки национальной критики"¹⁴.

Либеральные преобразователи предлагали уничтожить все принципы, которыми до тех пор жила Российская империя, и взять за основу практику государств типа Швейцарии или Люксембурга.

В истории развития государственного строя Российской империи реформа, провозглашённая Высочайшими манифестами 1903–1905 гг. и завершившаяся Высочайшим манифестом 3 июня 1907 г., была ожидаема и желаемая обществом, которое давно обсуждало необходимость реформирования государственного строя, ставшего заложником унифицированно-бюрократического управления.

Однако начатое обновление не оправдало надежд ни правых, ни левых, ни революции, ни реставрации. Обновление не дало ни чисто парламентских учреждений, ни чисто монархических, но сильно ослабило государство, получившее в лице созданной Государственной

¹⁴ Башмаков А. А. Народовластие и Государева Воля. СПб., 1908. С. 5–6.

думы учреждение, которое считало себя государством в государстве и не давало дополнительной поддержки государственному строю.

Это произошло в результате попытки построения синкретического строя думской монархии по схемам парламентского строя стран Европы, что не сообразовывалось с национальными традициями и историческими условиями России.

Революцию, как удачно выразился И. Л. Солоневич, чаще всего описывали с "преобладанием романа над уголовной хроникой", всегда пытаюсь выдумать какой-нибудь литературный ход, чтобы чистую уголовщину разбавить благородной идеальной романтикой или хотя бы прикрыть кровавую реальность флёром вымысла.

Революция – это всегда раздражение. Как говорил ещё Василий Розанов, "никогда не настанет в ней [*революции*. – **Прим. авт.**] того окончательного, когда человек говорит: "Довольно! Я – счастлив! *Сегодня* так хорошо, что не надо *завтра*"... И всякое "завтра" её обманет и перейдёт в "послезавтра"... В революции нет радости. И *не будет*. Радость – слишком царственное чувство и никогда не попадёт в объятия этого лакея"¹⁵. Революция принципиально перманентна и разрушительна.

Революция как идея и Февральская революция

Необходимо различать революцию в узком смысле слова – как акт захвата власти, и революцию как идею социального переустройства в широком понимании. Революция – не просто разрушительное и кровавое

¹⁵ Розанов В. В. Уединенное. М., 1990. С. 107.

событие в человеческой истории: революция – это прежде всего идея радикального социального переустройства мира. Совершенно не случайно до сих пор революционеры нового и новейшего времени клянутся в верности "идеалам Великой французской революции" или "идеалам Великого Октября", несмотря на то, что эти революционные акты свершились, соответственно, более двухсот и более девяноста лет назад. Для них эти идеалы вечны, как и сама идея революции.

Сводить революцию только к непосредственному кульминационно-революционному акту захвата власти, значит, упрощать и сужать её значение. Революция не только действие, но и великая по мощи воздействия идея – идея радикального переустройства мира по глубоко субъективным психологическим посылкам. Революция как идейный призыв к разрушению действительности во имя утопического "социального рая" – всегда возможное действие, и потому революция не имеет конца. Здесь нет конца для ломки настоящего во имя очередного "светлого будущего", точнее, нет удовлетворения от любого уже реализованного плана. Стремление к утопическому революционному идеалу абсолютного земного счастья имеет ровно столько путей действия, сколько человек участвует в революции. Каждому видится своё. Отсюда бессчётное количество либеральных, социалистических, анархических и т.п. проектов или путей к этому "социальному счастью", каждый из которых не устраивает абсолютное большинство революционеров, придерживающихся других проектов. Последствие возможной временной победы одного революционного проекта над другими – страшная резня внутри революционного движения в целом.

Любовь революции к ломке, свержению, осквернению, убийству, насилию и т.п. "утилизационным" действиям наводит на размышление, смысл которого блестяще сформулировал русский консервативный юрист Николай Болдырев¹⁶: "Революция всегда не начало нового, а конец старого, его рассыпающаяся дряхлость"¹⁷; революция есть реактив разложения.

Революция в России была концом "освободительных" мечтаний. Воплотившись в кровь и плоть большевизма, она уничтожила множество интеллигентских идолов – гуманизм, парламентаризм, демократию, которым поклонялись безусловно и абсолютно. Революция показала дряхлость и нежизнеспособность всех этих "прекраснодушных" фетишизмов и принесла смерть огромному большинству "жрецов" этого культа – интеллигенции. "Бог" (революция) интеллигентского культа "освобождения России" оказался бесконечно кровожаднее, чем ожидали адепты "социальной религиозности", и своим беспощадным ликом он повернулся прежде всего к интеллигенции, более всего взывавшей к его пришествию.

Глубочайшая вера революционного сознания в реальность своего социального идеала способна фанатически беспощадно разрушать историческую действительность.

¹⁶ Николай Васильевич Болдырев (1882–1929) – блестящий русский мыслитель, юрист. Оставшись в России после революции, он написал удивительную книгу "Правда большевицкой России. Голос из гроба", не предназначавшуюся для публикации при его жизни. Закончив её в 1928 г., он вскоре умер, и по стечению обстоятельств через несколько дней за ним пришли, чтобы арестовать. Рукопись сохранили его родственники.

¹⁷ Болдырев Н. В. Правда большевицкой России. Голос из гроба // Смысл истории и революция / Н. В. Болдырев, Д. В. Болдырев. СПб., 2001. С. 61.

Но историческая действительность не ломается в те несколько дней, когда идёт собственно смена власти, иначе кровавый революционный террор и дальнейшие революционные "преобразования" были бы не нужны или же ограничивались несколькими днями захвата власти в обществе. Общество, у которого революционерами отнята власть, ещё не находится под контролем революционной группировки; взятие власти – это лишь один из первых выигранных революционерами этапов сражения с обществом.

Историческая действительность начинает разрушаться задолго до захвата власти и продолжает разрушаться ещё долгое время после. Захват власти разрушает, быть может, какую-то наиболее важную, ключевую точку обороны, после овладения которой сопротивление революционерам отнюдь не прекращается, а гражданское сражение принимает как раз ещё более кровавый вид – вид избиения побеждённых, но не сдавшихся...

Сущность революции – разрушение данной исторической действительности, и единственно возможное её полное или относительное оправдание, её большая или малая правда может заключаться только в совершенной или же частичной негодности старого строя.

"Отрицание, – писал Л. А. Тихомиров о революционном сознании, – как правило, поражает именно несоответствием между действительными недостатками данного строя и беспощадной суровостью произносимого над ним приговора"¹⁸.

¹⁸ Борьба века // Критика демократии / Л. А. Тихомиров. М., 1997. С. 190.

Абсолютность отрицания и неадекватность его действительному положению вещей в исторической реальности происходит из-за глубоко извращённого преломления социальной проблематики в революционном сознании, переносящем в социальную сферу сугубо религиозно-психологические установки. Отсюда требования любой революции к социальной области чрезвычайно завышены и совершенно не поддаются реализации в конкретной жизненной ситуации. Идеи "земного рая", "светлого будущего", "общества социальной справедливости" и тому подобные утопии всеблаженства принципиально неосуществимы в земной действительности, но революционизм не способен согласиться на что-либо меньшее или что-либо менее совершенное, так как верит в социальное переустройство мира и возможность достижения социального идеала абсолютно так же, как верит в загробное блаженство верующий человек. Ни тот, ни другой тип мирозерцания не понимает принципа "икономии"¹⁹ в своих областях.

Правда большевистской России и правда имперской России

Перед революцией духовные и государственные основы России были, по глубокому замечанию Н. В. Болдырева, "затянуты жиром благополучия" – благополучия прежде всего слоя интеллигентного, не в последней

¹⁹ Икономия – христианский принцип разрешения жизненных ситуаций с позиции снисхождения и практической пользы. Икономия ограничивается принципом акривии, требующим строгой определённости и точного смысла, исключающего двусмысленность и неопределённость.

степени из-за этого потерявшего ощущение национальных основ. Это духовное "ожирение", особое "не чувствование" Отечества (по выражению Л. А. Тихомирова) при материальном благополучии и образовательной *раскалке* (в противоположность *закалке*) национального ума способствовало революционным устремлениям образованных и полуобразованных масс интеллигенции. Повидимому, "ожирение" и ослабление ощущения русских основ достигло столь глубокой стадии, что революция при всей своей лжи и крови могла нести в себе в начале XX в. и крупницы правды. Быть может, эти крупницы правды в революции заключались в насильственном "оголении" основ, в уничтожении жировых отложений, ставших средостением между жизнедеятельными основами и нацией.

"Наше время прекрасно, – парадоксально заявлял Н. В. Болдырев, – и величественно тем, что теперь уже начала не могут быть забыты. Самые глубокие и скрытые начала вдруг оказались на виду у всех и всем ясно: жизнь определяется тем, что мы кладём в основу, и должен быть сделан выбор этих начал. Правда революции в том, что она показала реальное значение принципов жизни"²⁰.

Революция показала, что такое массы, в которых укрепились идеи гуманизма, идеи самодостаточности и самозначимости человека как главной ценности в мире. Безбожная автономность от Творца уничтожила личность как деятельную фигуру исторической действительности и вывела на историческую арену безликую, недозвольную и горделивую массу, способную часто лишь к разрушению.

²⁰ Болдырев Н. В. Указ. соч. С. 42.

Обнищание, обесценивание и упрощение жизни уничтожили все возможные "жировые отложения" старого времени и "оголили" те основы, прежде всего религиозные, которыми русский человек жил многие сотни лет. Ещё больший эффект этому "оголению" придало одновременное поругание революцией этих основ. "Живая часть России увидела на позорище свои святыни и уже, видимо, навсегда перед ними преклонилась"²¹.

Церковь испытала гонения, сравнимые лишь с временами гонений первых веков христианства, сонм православных мучеников пополнился тысячами и тысячами новых убиенных за веру; имперская государственность была полностью разрушена – большевистская идея федерального союза, искусственно разделившая единую Россию, стала поруганием всех многовековых стараний русских поколений, собиравших воедино земли Российской империи; монархическая идея через мученическую кровь царской семьи навсегда получила ореол особости и священности в памяти людской; русские как нация испытали все возможные унижения национальной и личной гордости, став реально подопытными образцами в великой "лаборатории" штаба мировой революции; семья, жизненные призвания мужчины и женщины, воспитание детей – всё было извращено революцией и поставлено под контроль большевистской власти.

Для воплощения зла революции, для акта разрушения необходима святыня, нужна традиция. И порою необходимо покушение на разорение святыни, чтобы дремлющее добро в людях, покрытое теплохладным слоем безразличия, "ожирением", от потрясения вышло на

²¹ Болдырев Н. В. Указ. соч. С. 67.

поверхность и вновь стало руководящим в жизни человека. Правда революции в том, что она была одним из бичей Божиих на ленивых, "ожиревших" от благополучия, "нечувствительных" к своим святыням.

Революция соскабливает с нации "жир" теплохладности, и чем больший слой этого духовного псевдоблагополучия накапливается на теле нации, тем более кровавое сдирание его происходит в исторической действительности.

Революция – бунт против призвания человека служить сверхличному, распад единого целого на сумму индивидуальностей в массе. Революция – освобождение от традиции, растрата накопленного богатства поколений, следовавших традиции. Единое целое превратилось в сумму частей, но искусственная сумма не равна естественной цельности.

Переход смысла истории и жизни на личность при-нижает все сверхличные основы – Творца, церковь, государя, государство, нацию, семью – и уничтожает вообще смысл за пределами человеческого тела и его насыщения. Это такой ущербный "смысл", что в реальности он стремится в небытие, стремится к ещё большему распаду, атомизации. Усечение смысла до размера индивида уничтожает и самого индивида. "Революция рассеяла мираж гуманизма, – с глубокой радостью пишет Н. В. Болдырев, – и стало совершенно ясно, что человек сам по себе не имеет никакой ценности и никакого интереса"²².

В этом смысле уничтожение революцией большей части нашей старой "освободительной" интеллигенции, бывшей, в свою очередь, интеллектуальными дрожжами,

²² Болдырев Н. В. Указ. соч. С. 59.

на которых "подошла" революция, стало определённым этапом в отходе от революционного пути – бродильных элементов становилось гораздо меньше.

К революции не относились как к радикальной социальной реформе, в ней хотели видеть всеобъемлющую Реформацию всех сторон земной жизни, или, иначе говоря, установления на земле материалистического подобия Царствия Небесного, райского благополучия. Люди в таком болезненном состоянии духа – состоянии одержимости социальным разрушением – были готовы принять революцию как нечто прекрасное, чудесное, приносящее избавление от всех земных тягот и горестей.

Ожидание революции в начале XX в. действительно более не с чем сравнить, как только с ожиданием второго пришествия, когда свыше будет произнесено "Се, творю всё новое". Ожидание этого "нового" в революции до того фантастично и до того фанатично, что одна психологическая сила этого ожидания приближала пришествие революции в Россию лучше, чем все митинги и забастовки вместе взятые.

Когда же революция материализовалась в теле – в образе большевиков с их партией, цареубийством, карательной ЧК, диктатурой пролетариата, продармиями, расстрелами, заложниками, красным террором, экспроприациями, Гражданской войной, брестским мирным предательством, святотатством, гонениями, массовым хамством, классовой враждой и т.п., нация невольно в ужасе осенила себя крестным знаменем, все "светлые одежды", видевшиеся или воображавшиеся на образе революции, испарились, как бесовский мираж, наваждение.

В сложившейся исторической реальности осталась неизбежная дилемма выбора – либо покориться материальной силе революции (покориться партии), либо вернуться в церковь – последнее прибежище, оставшееся от старого христианского мира империи. Выбор стоял между новой верой в большевистскую партию Ленина и старой верой в церковь Христову. Революция упростила этот выбор, сократив его до двух реальных сил в обществе – партии и церкви.

Размах атеистического и богоборческого святотатства в России не имел аналогов в цивилизованной Европе, несмотря на то, что и там были многочисленные революции. Вопросом об особом феномене радикального безбожия в России после революции задавался и Н. В. Болдырев. "Но чем же объяснить, – вопрошал он, – что именно Россия оказалась носителем самой гнусной из всех революций? Высота взлёта волны равна глубине её падения. И чем чище и выше была святыня России, тем больше привлекала она к себе нечистую и низкую силу... Ведь для того, чтобы святотатство достигло таких, как у нас, размеров, нужно, чтобы святыня, на которую посягают, была не меньшей, чем у нас, святости. Для того чтобы надругаться над мощами и чудотворными иконами, надо прежде всего иметь и то, и другое. Благопристойные немцы и англичане гарантированы от гнусного святотатства за полным неимением предметов святотатства. В Риме они есть, но там их нельзя так профанировать, как у нас, потому что римская церковь сама их несколько профанирует, постоянно погружаясь в дразги мира и овладевая ими не посредством строжайшей аскезы, а путём обмирщения себя и постоянного компромисса с миром"²³.

²³ Болдырев Н. В. Указ. соч. С. 74.

В связи с катастрофой начала XX в. неумолимо стоит опасный и жёсткий для революции вопрос о сравнении пути войны и пути революции. Революция всегда оправдывалась у нас тем, что война довела страну до полного упадка и разрушения и что только революция спасла Отечество. Но после революции не кончились ни сама война, ни упадок и разрушения, свойственные последствиям любой войны. Мировая война, в которой русские боролись с немцами и их союзниками и которая на русском фронте называлась Второй Отечественной, переросла в борьбу внутри самого русского общества с пролитием крови в циклопических масштабах²⁴ в процессе самой революции, во время Гражданской и всех последующих классовых партийных войн с различными побеждёнными социальными слоями нации.

"Государство, – говорил Н. В. Болдырев, – не последняя реальность духовного мира, оно должно и может быть слугой высшего начала и заимствовать от этого начала чистейший блеск и ослепительную славу... Война должна быть и может быть крестом отдельной жизни, а поднять крест и найти смысл – одно и то же. Крест войны оказался непосилен поколению, сделавшему революцию, и оно погрузилось в тоскливое насилие, где победа не слаще и не почётнее поражения. Зато война против революции – уже опять крест, а не просто тягостная ноша, и крест, который для нас – лучшая надежда. Или крест войны – или грязь насилия; необходимость этого выбора, исключённость всякого третьего пути – вот ясное сознание, которое возникает в нас из тьмы революции"²⁵.

²⁴ Которую можно сравнить, быть может, только с масштабами и кровопролитностью китайской революции.

²⁵ Болдырев Н. В. Указ. соч. С. 81.

В реальности смена пути войны на путь революции была проблемой духовного падения. Поколение, отравленное пацифизмом и либерализмом, не смогшее закончить победоносно Мировую войну, не смогшее пройти путём войны до конца, от своей духовной слабости, от желания простых и лёгких (как думалось) путей, ввергло Россию в многолетнее и бесславное революционное насилие, надорвавшее могучие силы русской нации.

Революция удивительным образом явилась не началом нового, а именно концом старого: "Революция взвесила всё земное, и оно оказалось лёгким". Революция несколько раз "взвешивала" русское общество на неких апокалиптических весах – и в 1825, и в 1881, и в 1905 г., и всякий раз стрелка на весах показывала достаточное (критически достаточное) наличие духовного содержания в русских людях, не позволявшее революции сместить чашу весов в свою сторону. Лишь в 1917 г., вновь "взвесив" всё земное в России, революция впервые нашла его столь лёгким, чтобы перевесить и стать исторической действительностью для России на долгие годы.

"Всероссийское взбалтывание" Февраля 1917 г. окончательно надорвало силы поколения, ослабленного смертью лучших на полях никогда ранее не виданной по размаху Мировой войны. Пришла долгая ночь революции, где осознанно отброшенный славный крест войны был поневоле заменён мученическим крестом смуты.

Самобытность идеала русской государственной власти

Я хвалю самодержавие, а не либеральные идеи:
то есть хвалю печи зимою в северном климате.

*Н. М. Карамзин*¹

Если попытаться сформулировать в одном слове то, в чём наши западные и доморощенные либеральные оппоненты отказывают русскому государству и в целом русской цивилизации – это, скорее всего, **самобытность**. *Нам отказывают в возможности своеобразного и жизнеспособного развития русской жизни (и связанной с ней государственностью)*. Такое отношение исходит из высокомерной неготовности признавать за непохожими (на европейские) формами и смыслами русской цивилизации определённые онтологические ценности. Об этом мы слышим со времён появления на большой политической арене ещё Московского государства наших великих Иоаннов (Третьего и Четвёртого) рубежа XV–XVI вв. Появление Второй Византии (в лице православной России) – страшная реальность для Европы, от которой европейские политики и идеологи всячески отмахиваются как от ночного кошмара.

¹ Карамзин Н. М. Письмо И. И. Дмитриеву от 22 ноября 1817 г. / Н. М. Карамзин // Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 225.

Самобытная альтернатива русской (или более широко – православной) жизни – в мире, в котором главным догматом является безальтернативность западного образа жизни и западного вектора развития, – является глубоко неуместным исключением из пропагандируемого правила.

Размеры этого русского "исключения" всё время ставят под вопрос само западное правило. Само существование России есть вызов этому кажущемуся безальтернативным западному мироустройству.

Наши доморощенные пропагандисты безальтернативности западного пути много и с упоением говорили, что в современном мире нам не нужно иметь никаких имперских амбиций, что православная духовность, большая страна и пестуемая веками военная мощь, всё это – доставшаяся нам в наследство устаревшая политическая рухлядь, с которой мы-де жалеем решительно расстаться только по своему непросвещённому невежеству.

Но возможно ли для страны отказаться от своей исторической географии и от своей исторической миссии? Скорее всего, как человеку высокому невозможно уменьшится без причинения своему здоровью значительного ущерба, как человеку, вошедшему в пору зрелости, невозможно расстаться с тем сознанием, которое он накопил за годы своей жизни, и снова стать ребёнком (кроме как по болезни), так и величайшая страна не может стать незначительной, даже если как Византийская империя сузит свои границы до Константинополя и его ближайших окрестностей.

Государство, игравшее последние полтысячи лет только заглавные роли на мировой сцене, не способно мелькать в эпизодах или играть в политической массовке.

С третьесортностью невозможно свыкнуться, так же как невозможно представить балерину Павлову в подтанцовке у Майкла Джексона или пение на заднем плане (бэк-вокал) Шаляпина на концерте у какого-нибудь Элтона Джона.

У имперского государства, классическим примером которого является наше Отечество, своя логика жизни и развития. Мы можем быть *либо великими, либо никакими*. Либо мы возродим большое государство с глобальными задачами (Империю), либо дадим миру удивительные примеры ничтожества. Никакой середины, никаких российских Швейцарий не получится, не тот климат, без карамзинских самодержавных "печей" большие дела не получаются...

Исторически сложившийся психологический тип русского народа носит в себе стремление к абсолютному идеалу в самых различных областях жизни. Эта идеальность воззрений сочетает настроения, часто совершенно разнонаправленные, что способствует колебанию политического сознания наших соотечественников между широко распространённым желанием в каждом новом лидере видеть *спасительного человека*, который поведёт, наконец, Россию к возрождению, и стойким неприятием власти вообще, т.е. своеобразной, по-русски понимаемой *вольностью*.

Эти два часто взаимоисключающие состояния нашего политического сознания глубоко укоренены в русской психологии. Они на протяжении многих веков формировали облик русской цивилизации, приобретающей вид то мощного государственного и национального монолита, то аморфной распадающейся общности и атомизированной человеческой массы. Русские способны либо

ригористки строить *сверхмощный имперский организм*, с его строгой иерархичностью и внутренней дисциплиной, сужающей проявления личности во внешней свободе, либо стараются дойти в своём стремлении к личной свободе до абсолютного *эгоистического самоудовлетворения*. Теплохладные пути развития у нас как-то не приживаются – видимо, опять же, не тот климат (и духовный, и природный) и не та национальная история.

Психологическая двойственность в общественном поведении имеет у нас государственнические и анархические векторы деятельности. Они, как можно утверждать на основании изучения истории, всегда наличествовали в русской психологии. Анархический – имел более взрывной характер и был менее продолжителен в своих вспышках активности, государственнический же – носил в истории нации менее эмоциональный характер, зато был более приспособлен к длительному действию.

Когда власти удавалось подчинять анархическую стихию в русском характере – государство и общество могли использовать огромные жизнедеятельные силы нации для реализации национальных интересов страны. Историческая власть была опекуном нации, своеобразным отеческим контролёром и порой сдерживала не в меру разыгравшуюся народную безудержность. Когда же ей не удавалось справиться со своей обязанностью упорядочения и управления, то анархические асоциальные потенциалы национального характера буквально взрывали наше общество и государство изнутри. Наступали смутные и революционные времена, которые могли за несколько лет разрушительной вседозволенной свободы (без сдерживающего влияния власти) уничтожить результаты вековой поступательной работы нации,

откинув её на столетия назад в своём государственном и национальном развитии...

Наши 90-е стали тем коротким в исторической перспективе периодом, когда под именем либерализма у нас восторжествовала традиционная русская анархическая тенденция – всегдашняя внутренняя опасность для мощи и единства государства. Эти годы можно назвать периодом анархического цивилизационного срыва, которым время от времени подвержен русский национальный характер. Подобные срывы, часто внешне ничем не обоснованные, не однажды бывали в нашей истории и являлись своеобразными перерывами ("перекурами") в напряжениях в государственной и национальной деятельности. 90-е гг. XX в. в этом смысле похожи на смуты начала XVII и XX столетий. Все они начинались сомнением в значимости государства для жизни нации и каждого человека в отдельности, ослаблением национального единства. Но проходило всего несколько лет разрушительной смуты, и в сознании нации анархические настроения сменялись на ригористическую апологию государственной мощи и национального единства. Нация быстро разочаровывалась в эфемерных смыслах смуты, ощущая глубокую праздность столь чаемой ещё недавно "свободы", и начинала переживать удивительное по силе чувство сиротства без государства, без той исторической задачи, от которой она поначалу так яростно отказывалась.

В наше время процесс выхода из анархического смутного состояния происходит по той же психологической схеме. Сколько эмоций, громких слов и бездумных дел было произведено за короткое время нашего анархического припадка 90-х гг. Но уже к началу нового тысячелетия было явственно видно преодоление смутных веяний

и стало живо ощущаться начало стихийного возврата к государственническим настроениям в русском обществе.

Сегодня идея Империи, империализма как суть политики великого государства всплывает в сознании нации как непосредственная государственная необходимость, сложившаяся из тяжёлого постсоветского периода и ослабленного разделённого положения России. Это состояние слабости очень остро чувствуется русскими, у которых государственный инстинкт развит сильнее, чем у кого бы то ни было. Упадок государственности переживается лично и болезненно, из чего и рождается новое ожидание спасительной личности, могущей возродить Империю.

Говорят, и правильно говорят, нельзя войти в одну и ту же воду дважды. Но можно неоднократно входить в реку с одним и тем же названием. Конечно, нельзя точно повторить форму Империи, существовавшую до 1917 г. (что и совершенно необязательно), но можно возродить тот же принцип государственной власти, который привёл разрозненные славянские и неславянские племена к одному из величайших государств и цивилизаций в мире.

Монархия – принцип всегда возможный, так же, как и демократия, и аристократия. Раз демократический принцип смог воскреснуть в конце XVIII в., но в совершенно других формах, нежели они были в античной и рабовладельческой Греции, то почему мы отказываем в этом монархическому принципу?

Монархия Константина Великого или нашего святого равноапостольного Владимира была отлична от монархии Ивана Калиты, а та, в свою очередь, – от монархии царя Алексея Михайловича и от монархии императора

Александра III. Старое имперское вино всякий раз вливается в новые меха современных форм государственного управления. Первый Рим начинал с монархии, прошёл через республику и стал империей. О Древней Греции можно сказать то же самое, имея в виду Македонскую монархию.

Я не поклонник философских штудий В. Соловьёва, но определение монархической власти как "диктатуры совести", выдвинутое им, мне глубоко симпатично. Монархия как "диктатура совести, неизменная в своих нравственных основах", более близка и понятна нашему народу, чем "диктатура безличного и всё время изменяемого закона". Здесь, возможно, играет роль тысячелетнее русское предпочтение Благодати перед Законом, высказанное ещё первым митрополитом из русских Иларионом (в XI столетии).

Современная эффективная верховная власть в России должна быть персонифицированной, сильной, централизованной, авторитетной и требующей к себе уважения. А для таких великих дел, как возрождение России, нужна великая власть. И опорой для этой власти должна стать нравственная поддержка нации того, кто взвалит на себя тяжесть несения ответственности за Россию.

"Идея Самодержавия, – писал один русский консерватор начала XX в. профессор В. Д. Катков, – не есть какая-то архаическая идея, обречённая на гибель с ростом просвещения и потребности в индивидуальной свободе. Это вечная и универсальная идея, теряющая свою силу над умами при... стечении обстоятельств и просыпающаяся с новой силой там, где опасности ставят на карту самое политическое бытие народа. ***Это героическое***

лекарство, даваемое больному политическому организму, не утратившему ещё жизнеспособности..."²

Если Россия хочет укрепить свою жизнеспособность, то должна решиться на это героическое лекарство.

Самобытность идеала русского самодержавия

Вот уже несколько веков русская публицистика настаивает на признании принципа самобытности России как религиозно-политического мира, утверждая его реальность и важность перед лицом тьмы отрицающих самостоятельную значимость нашего Отечества в череде человеческих цивилизаций.

Самой удивительной стороной этого процесса было практически абсолютное неучастие в нём академической юридической мысли, которая выказала крайнюю тенденциозность в отношении изучения принципа Самодержавия. Вместо тщательного и глубокого изучения самобытного русского принципа государственной власти правоведа всячески избегали юридического исследования этого явления, не останавливая своё внимание на его национально-правовой уникальности.

В чём же состоит особенность самодержавной власти?

Одну из её базовых особенностей глубоко понял Н. А. Захаров. "С одной стороны, – писал он, – её можно понимать как основное свойство нашей верховной объединённой государственной власти, а с другой – как власть непосредственного волеизъявления, установленную в общих своих чертах в Основных Законах и

² Катков В. Д. О русском Самодержавии / В. Д. Катков. Харьков, 1906.

неограниченную в этой сфере применения или вовсе не упоминаемую, но могущую проявить себя в экстраординарную минуту жизни государства"³.

Самодержавие как власть "непосредственного волеизъявления" не может быть исчерпана точным юридическим определением, чётким конституцированием. Здесь возможно дать лишь описательную характеристику самодержавной власти, которая есть власть "учредительная, умеряющая, последнего решения и внешнего индивидуального олицетворения государственной воли"⁴.

О самодержавной власти можно также сказать, что это власть, стоящая выше всех частных интересов, и потому власть социально нейтральная, уравнивающая разнонаправленные стремления общества. А потому необходимой для неё сущностью является действие согласно особому надправному властвованию, или "царской прерогативе", как её называл Л. А. Тихомиров. Это особое, чрезвычайное и непосредственное волеизъявление в области верховного государственного управления есть одновременно и самобытнейшая, и наиважнейшая функция самодержавия. Государь, прежде всего, лично ответствен за выход из тех чрезвычайных ситуаций, в которые попадает государство и которые никак не могут быть предусмотрены обычным законодательством, рассчитанным на результативное функционирование только в режиме стабильного и устойчивого общества. Для любого государства, активно участвующего в мировой жизнедеятельности, необходимость прибегать к Верховному чрезвычайному управлению напрямую связана с жизненно

³ Захаров Н. А. Система русской государственной власти / Н. А. Захаров. Новочеркасск, 1912. С. 280.

⁴ Захаров Н. А. Указ. соч. С. 300–301.

важной потребностью воплощения воли этого государства.

Такое чрезвычайное включение "царской прерогативы" отнюдь не заменяет собою течение государственных дел в порядке обычного законодательства, но лишь сохраняет особый путь для верховной власти в чрезвычайных исторических обстоятельствах для государства.

Право в государстве отвечает за поддержание разумного уровня следования в обществе таким понятиям, как добро, правда, справедливость, закономерность в том их понимании, какое сложилось в этом обществе. В ситуации же, когда государство подвергается неординарному давлению на принципы его общежития или когда решается вопрос о его существовании как человеческого сообщества, верховная власть не может результативно отстаивать целостность государства, не мобилизуя своих дополнительных властных возможностей для восстановления устойчивости подвергающемуся чрезвычайной опасности обществу. В эти моменты верховная власть как бы возвращается к моменту рождения государства, когда она непосредственно откликалась на всё происходящее с обществом, лично неся все заботы по управлению нарождающимся государством. Никакие отношения в государстве – ни общественные, ни семейные, ни профессионально-сословные, ни личные – не избегают в такие периоды усиленного надзора верховной власти. Власть не может быть тем, чем она бывает в обычные периоды существования государства, когда она выступает как сила направляющая и контролирующая. Почему, собственно, и обычное, не чрезвычайное законодательство в такие моменты не соответствует задаче сохранения как

жизнедеятельности государства, так и поддержания нравственной законности общежития.

"И вот в эти моменты, – пишет Л. А. Тихомиров, – верховная власть обязана снова делать то, что делала, когда ещё не успела построить государства: должна делать сама, и по усмотрению совести, то, чего не способно сделать государство"⁵.

Иначе говоря, при экстренных обстоятельствах сфера чрезвычайного управления, законодательства, суда есть сфера творческого действия верховной власти самодержавия, свободной от внешних юридических стеснений, тогда как действие вне чрезвычайного управления в этих сферах в силу обычного администрирования, законодательства и суда есть простое применение закона к различным случаям управления.

Можно также сказать, что чрезвычайное управление входит в область верховного или личного управления самодержца как самая сложная и наиболее самобытная часть его государственных обязанностей.

Другими словами, "чем важнее вопрос управления, чем заветнее он для национальных интересов русского народа, охранение и защиту которых Провидение и история концентрировали в руках Всероссийского Самодержца, – тем нужнее Его личная инициатива, Его верховный надзор и непосредственное вмешательство"⁶.

Есть в русской монархии много трудно формулируемого и действительно удивительного, завораживающего своей исторической славой, военной и государственной

⁵ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. М., 1905. Ч. IV. С. 155–156.

⁶ Романович-Славатинский А. В. Система русского государственного права / А. В. Романович-Славатинский. Киев, 1886. Т. I. С. 262.

мощью и широтой и одновременно своей потрясающей патриархальной семейной интимностью и христианской незлобивостью и милостью.

В монархии, в отличие от любой другой власти, есть что-то глубоко личностное, человеческое, персонифицированное, понятное и родное для русского человека, но одновременно – в области исполнения своих державных обязанностей – и что-то невероятно возвышающееся над жизнью простого человека, несоизмеримое со значением жизни этого простого человека, – несоизмеримое, как жизнь полководца и рядового солдата.

Есть в монархии особая привлекательность, особое обаяние, способное подчинять себе сердца людей, даже борющихся с ней. В этом смысле очень показателен рассказ Ивана Солоневича о двух своих приятелях-студентах (оба члены революционных партий, один – польской национальной, другой – социалистической). Во время празднования 300-летия царствования Дома Романовых И. Солоневич и эти два студента оказались в Санкт-Петербурге свидетелями проезда государя и восторженного приветствия его народом. Увидев государя, студенты позабыли, по-видимому, все свои предубеждения относительно царской власти и с ликованием возглашали русское "ура" проезжавшему императору. Сработала какая-то метафизическая, таинственная сила обаяния Помазанника Божия, неизъяснимая человеческим языком. Личность – это вообще всегда тайна, постичь которую до конца нет никакой возможности, тем более личность Помазанника Божия, сердце которого в "руце Божией".

Мощь монархической власти способна увлечь за собой миллионы людей, и не в последнюю очередь

личными и династическими качествами её носителей. С одной стороны, нацию привлекает в монархии то, что царская семья, как и все её подданные, живёт семейной жизнью с по-человечески всем понятными личными горестями и радостями: так же, как и у всех, в царских семьях рождаются дети, женятся молодые, умирают старики и т.п.; с другой стороны, нация видит, что при общей всем семьям (в том числе и царской) обыкновенности воспроизведения "рода людского" по заповеди "плодитесь" весь круг личностных и семейных интересов в семье царской подчинён главному – царскому служению на посту главы государства и нации.

Это сочетание обыкновенности государей в семейной жизни и уникальность в служении государственном делает их одновременно и лично понимаемыми, и метафизически почитаемыми.

В республике же подобной метафизики власти нет, в ней господствует физика количества поддерживающего или просто открыто не бунтующего большинства; в ней (как в типе власти) личностное начало ослаблено, у неё, как правило, нет своего лица (человеческого, персонифицированного), нет человеческой связи с нацией, её нельзя любить как личность, так, как можно любить царя.

Президентство как институт, к которому пришла республика, видя крайнюю неэффективность парламентского государственного строения, ничего не меняет. Срок президентства столь мал, что президент живёт от выборов до выборов в постоянной борьбе за власть, что не позволяет отдавать все силы управлению государством.

Восемь или пять лет, четыре или неполный срок (такое тоже ведь нередко) пребывания у власти демократических президентов – это срок ничтожный для того,

чтобы сложились серьёзные отношения (личностные) между правителем и народом. Президенты для нации остаются всегда любовниками, которых ждёт неминуемое охлаждение и почти всегда ненависть и презрение, равные силе первоначального увлечения ими. Нация всегда остаётся обманутой в своих нравственных ожиданиях. И вместо обоюдных любви и согласия, мудрого руководства её духовной жизнью и экономическим хозяйством, она получает лишь очередную любовную интрижку, заканчивающуюся почти всегда новым обиранием простодушной "жены-нации".

Политические партии выступают в республике в роли сводников, предлагающих нации своих политических "ловеласов", профессиональных соблазнителей. Демократические правители пристраиваются только благодаря опыту, энергии и деньгам "сватающих". Нация же разворачивается от частой смены своего руководителя по жизни и перестаёт интересоваться, кто с ней живёт, какой сейчас "мужчина" в Доме.

В монархии власть, одним из главных принципов которой является династичность, входит с нацией в самую крепкую связь – связь общей историей. На каждого представителя царствующей династии нация, кроме личного отношения к делам и личности конкретного царствующего государя, распространяет ещё и отношение, выработанное к его предкам. Связь, переходящая в родственность подчинения и властвования, устанавливается глубже и сильнее.

Вообще параллель личного и общественного во власти очень важна. Для монархии очень существенно не только положительное отношение к монархическому принципу

властвования в общем, но ещё и личностное отношение к каждому царствующему монарху в частности.

Как любовь глубже влюблённости, как единение любящих супругов сильнее, чем временных любовников, так и связь между властью и нацией более глубока и значима в монархическом государстве, чем в республиканском...

Таким образом, в споре о самобытности России идеал русского самодержавия, составляющими которого являются понятия верховенства, самодержавия и неограниченности его верховной власти, был и остаётся одним из главных пунктов идейного противостояния православных монархистов и современных демократов.

Верховенство самодержавной власти

Принадлежащая государю императору власть верховна, самодержавна и имеет божественное освящение. По мнению юриста Н. А. Захарова, можно говорить о родственности понятий "верховенства" и "неограниченности". "Термин "верховная", – говорит он, – отмечает, так сказать, положительную сторону, а термин "неограниченная" – отрицательную одного и того же явления".

Той же точки зрения придерживался и профессор В. Д. Катков: "Верховная власть, по самому существу этого понятия, не ограничена юридически, ибо если бы она была юридически ограничена, она не была бы Верховной властью – верховной была бы власть ограничивающая"⁷.

При этом верховной царская власть именуется потому, что она является властью наиглавнейших, окончательных, чрезвычайных и крайних решений в области

⁷ Катков В. Д. О власти русского Императора и её недругах / В. Д. Катков // Русская речь. 1912. № 1870.

управления государством, властью учредительной, основополагающей, правообразующей. Таковые решения не могут быть прописаны в обычном законодательстве, почему, собственно, и являются сугубой прерогативой воли государей. Такие решения называются высочайшими волеизъявлениями, поскольку им обязаны подчиняться все служебные государственные власти и все подданные государства. Исходя из своего верховенства, власть самодержца является универсальной властью в государстве, единственно хранящей в себе все функции государства – как исполнительную, законодательную, так и судебную – в полном их объёме. Верховной самодержавная власть называется ещё и потому, что выше её юридически в государстве нет никакой другой власти.

Профессор В. Д. Катков останавливается на этой стороне самодержавной власти особо: "Нет в мире власти, кроме Престола Божия, которая могла бы привлечь Верховную власть русского Императора к отчёту и ответственности за Его деяния по управлению страной". Верховная власть "может изменять законы, приостанавливать и издавать новые, но не может нарушать их, не может делать правонарушений, ибо правонарушение есть акт, не одобряемый ни моралью, ни законами, и акт, не согласный с представлением о нравственном и легальном величии Власти, так как предполагает наличность другой высшей легальной силы, служащей источником права и ограничивающей признанную законами Верховную власть"⁸.

Власть самодержца называется верховной ещё и в силу её надправного положения именно потому, что она

⁸ Катков В. Д. О власти русского Императора и её недругах / В. Д. Катков // Русская речь. 1912. № 1870.

сама является свободной, самостоятельной, независимой и учредительной властью в отношении законотворчества. Она творец государственных законов, потому и не может быть подчинена сама своему творению.

У Святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского, читаем: "Царь, по истинному о нём понятию, есть Глава и Душа Царства. Но вы возразите мне, что Душой государства должен быть закон. Закон необходим, досточтим, благотворен; но закон в хартиях и книгах есть мёртвая буква, ибо сколько раз можно наблюдать в царствах, что закон в книге осуждает и наказывает преступление, а между тем преступление совершается и остаётся ненаказанным; закон в книге благоустраивает общественные звания и дела, а между тем они расстраиваются. Закон, мёртвый в книге, оживает в деяниях, а верховный государственный деятель и возбудитель и одушевитель подчинённых деятелей есть Царь"⁹.

Но одновременно самодержавная власть действует и по писаному закону, во имя исполнения закона, почему и является защитницей законности в государстве, хотя в любой момент сама может придать законам необходимый смысл и форму.

Верховенство в самодержавном государстве принадлежит Помазаннику, лицу физическому, фактически олицетворяющему государственную силу России. Именно на этом заострял внимание, описывая сущность самодержавия, профессор П. Е. Казанский: "Власть есть воля, на основании права распоряжающаяся силой. Таким образом, во главе государства Русского стоит воля физического лица. Сила, которой она распоряжается, есть

⁹ Св. Филарет (Дроздов). Государственное учение / Св. Филарет (Дроздов). М., 1888. С. 18.

сила русского государства, русская сила, русская мощь. Русское право принимает все возможные меры для того, чтобы Верховная власть была просвещена всеми данными знания, гения и опыта, которыми обладает русский народ, чтобы она нашла себе организованную поддержку со стороны воли всех русских граждан, была в единении с ними, а равно чтобы она могла действительно опираться на всю русскую мощь, так как только при этих условиях государство может двигаться вперед. Верховная власть имеет право надправных решений при помощи русской силы"¹⁰.

Власть самодержавная никогда не была чисто юридически созданной властью, её генезис глубоко связан с историческим путём самой России, в котором она играла волевою, направляющую роль. Именно самодержавие явилось насадителем Св. Православия на некогда многобожно-языческой Руси, создало из междуособствующих княжеских земель мощнейшую Русскую империю, сплотило разрозненные славянские племена в единую русскую нацию, успешно охраняло на протяжении тысячи лет наш православный мир от внешних и внутренних посягательств на него, взрастило всё, что современное общество называет наукой и культурой.

Власть самодержавная, выступая как положительный фактор на протяжении всей русской истории, входит в состав базовых идей нашей цивилизации, в её генетический код; самодержавие не может уйти из русского мира без патологии его организма. На самодержавии лежало множество важнейших государствообразующих и социально-охраняющих функций, возводимых им на уровень

¹⁰ *Казанский П. Е.* Власть Всероссийского Императора / П. Е. Казанский. М., 1999. С. 241.

нравственного императива. "Все сложности, – писал Л. А. Тихомиров в 1905 г., – борьба социальных элементов, племён, идей, появившаяся в современной России, не только не упраздняют самодержавия, а напротив – требуют его.

Чем сложнее внутренние отношения и споры в империи, среди её семидесяти племён, множества вер и неверия, борьбы экономических, классовых и всяких прочих интересов, тем необходимее выдвигается единоличная власть, которая подходит к решению этих споров с точки зрения этической. По самой природе социального мира лишь этическое начало может быть признано одинаково всеми как высшее. Люди не уступают своего интереса чужому, но принуждены умолкать перед требованием этического начала"¹¹.

Именно самодержавие регулировало, примиряло и соглашало между собою огромное количество всевозможных и зачастую разнонаправленных социальных сил в русском государстве. Все народы и народности, сословные и родовые интересы, аристократические и демократические принципы находили своё место, свой смысл, свою службу в многосложном политическом организме Русской монархии, и беспристрастными третейскими судьями между ними выступали государи императоры, в числе личных интересов которых благо подданных, как и благо всего государства, занимало первейшее место.

Задача эта, непосильная для человеческих сил, становилась посильной для Помазанника Божия (Помазанник на греческом языке означает Христос) – царя. Так, например, при помазании царя Саула Священное Писание Ветхого Завета говорит: "И найдёт на тебя Дух Господень,

¹¹ Тихомиров Л. А. Указ. соч. Ч. III. С. 224.

и ты будешь пророчествовать; и сделаешься **иным** человеком", "Бог дал ему **иное** сердце" (1 Цар. 10:6, 9). У Царя, как Помазанника Божия, иное сердце (оно "в руке Божией"), он – иной человек, почему с помощью Божией ему и по плечу столь непосильное бремя Верховной власти Империи.

Святой Феофил Антиохийский писал: "Царю некоторым образом вверено от Бога управление...; Царя почитай благорасположенным к нему"¹².

Император "благорасположен" к властвованию, его личность получает особый дар к верховной власти, ему даруются специальные властные таланты для поистине великих государственных подвигов, для которых нужна и великая власть. "А подвиг управления Российской империей, – писал профессор В. Д. Катков, – при разнообразности её состава и при отсутствии внутренней дисциплины как в народных массах, так и в так называемом образованном обществе, действительно велик"¹³.

Развитие тех же мыслей мы находим и у Н. А. Захарова: "Власть, стоящая выше каких бы то ни было классовых, сословных и фанатично религиозных интересов, власть, руководимая в своих движениях целесообразностью и моральным чувством, не может не существовать в разноплеменном государстве как охранительница целостности политического общества"¹⁴.

Цари призваны к охранению не только "души нации" и правоверия церковного, призваны не только к роли третейского судьи в социальных отношениях, но

¹² Сочинения древних христианских апологетов / пер. на рус. яз. протоиерея Петра Преображенского. СПб., 1895. С. 179.

¹³ Катков В. Д. О русском Самодержавии. С. 17.

¹⁴ Захаров Н. А. Указ. соч. С. 143.

и к творческому применению государственной власти, её силы. Только верховная власть в государстве имеет право повелевать и принуждать к повиновению, это её единоличная привилегия.

Но эту привилегию единоличная власть в широком контексте может применять только через систему передаточных звеньев, т.е. через подчинённые ей власти управительные, поскольку сама она ограничена пределами своего прямого и непосредственного действия, доступно силам одного человека. Это нисколько не уменьшает эффективность монархической власти как таковой, а, напротив, способствует лучшей организации всей государственной вертикали так, чтобы на долю верховной власти оставались лишь наиважнейшие стратегические функции и она не погрязала в рутинной мелочной деятельности. Такое построение управительных дел в империи всегда позволяло верховной власти в нужный момент непосредственно вмешиваться в ход государственных дел и либо восстанавливать нарушенный почему-либо порядок, либо, если это необходимо, кардинально и, главное, оперативно реформировать управление империей.

Принцип царского самодержавия

Самодержавие – явление глубоко национальное, самобытное и оригинальное. Как юридический термин слово "самодержавие" появляется в древнерусской письменности задолго до официального принятия его как титула московских государей. Первым официально стал титуловаться самодержцем великий князь Иоанн III Васильевич. Этот титул обозначал, с одной стороны, преемство

с византийскими василевсами, а с другой – подчёркивал самостоятельность русских государей от татарских ханов.

Слово "сам" в древнерусской литературе, как утверждают некоторые исследователи (например, профессор И. Т. Тарасов), иногда понималось как *держава*, т.е. власть или управление¹⁵.

Однако в корне "сам" заложено и другое значение – высшая степень чего-либо.

Слово "держава" означает власть, правление. "Отсюда, – пишет профессор И. Т. Тарасов, – из состава слова *самодержавие* ясно, что этим термином определяется высшая, неограниченная верховная власть, рядом с которой нет и не может быть никакой другой равнодержавной власти"¹⁶.

Таким образом, самодержавие есть владение верховной властью в силу самостоятельного, независимого и неограниченного могущества. Такое понимание самодержавия уяснилось для русских государей с самого начала. Особенно ярко об этом говорил царь Иоанн IV Грозный: "Земля правится Божиим милосердием и Пречистыя Богородицы милостью и всех святых молитвами и родителей наших благословением и последи нами, государями своими, а не судьями и воеводы, и еже ипаты и стратиги". В полемике с князем Курбским Грозный Царь вопрошает: "Как же назовётся самодержцем, если не сам

¹⁵ См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. СПб., 1912. Т. III. С. 256; Материалы для истории письмен. Издание Московского университета к столетию. В отделе материалов Ф. И. Буслаева. Т. V. С. 50.

¹⁶ *Тарасов И. Т.* Самодержавие и абсолютизм / И. Т. Тарасов. М., 1917. С. 7.

строит землю?"; и в другом месте: "Российские самодержцы изначала сами владеют всеми царствами, а не бояре и вельможи"¹⁷.

Никаких человеческих источников, из которых могла бы произойти власть самодержцев, т.е. юридических договоров, международных соглашений, делегирования полномочий от одной власти другой, – ничего подобного в истории формирования самодержавной власти в России найти нельзя. Есть только один источник происхождения власти самодержавных государей – Воля Божия. Тем самым отсекаются все другие воли, не могущие быть источником самодержавия. Русские самодержцы, таким образом, есть монархи Божией милостью.

Эта формула – "Божией милостью" – такая же древняя, как и сам термин "самодержавие", и появилась она впервые ещё во времена великого князя Василия II Тёмного. Понимание власти государей ярко выражено у святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского: "Глубочайший источник и высочайшее начало власти только в Боге. От Него же идёт и власть Царская. Бог по образу своего небесного единоначалия устроил на земле Царя, по образу своего вседержительства – Царя самодержавного, по образу своего непреходящего царствования – Царя наследственного"¹⁸.

Таким образом, верховная власть государей императоров является самостоятельной, производной, имеющей единственное основание в самой воле Божией, и потому в земной действительности она являет собою

¹⁷ Цит. по: *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. СПб., 1992. С. 245.

¹⁸ *Кременецкий П.* Христианское учение о царской власти и об обязанностях верноподданных / П. Кременецкий. М., 1888. С. 13.

господствующую силу в государстве. Эта сила не только юридически верховная, но и фактически сильнейшая, без чего невозможно было бы и господство.

Вслед за этим можно вывести следующее утверждение: самодержец есть суверен не только юридический, как обладающий юридически закреплёнными в Основных Законах государства правами верховной власти, но суверен и фактический, обладающий фактически господствующей силой в государстве.

Тут же нельзя не отметить, вслед за профессором П. Е. Казанским, преимущества русской юридической терминологии, по которой суверенитет юридический выражается термином "верховенство", а суверенитет фактический – термином "самодержавие". Разделение суверенитетов юридического и фактического принципиально недопустимо из-за возможной борьбы за власть. А потому только та верховная власть может быть юридически верховной, которая самодержавна, и только власть господствующая, а значит, самодержавная должна быть одновременно и верховной.

В исторической жизни государства русского самодержавие всегда стремилось исполнять заповедь Божию о том, что кто хочет быть большим, тот должен быть всем слугою. Русские самодержцы всегда отдавали себе отчёт в том, что их власть не есть самоцель, а лишь орудие для претворения в исторической действительности тех высоких национально-политических идеалов, которыми жила нация. Русское самодержавие всегда служило русскому государству, русской нации, Православной церкви как ревностный слуга, не щадивший ни сил, ни самой жизни в своём подвиге. Потому и всякий истинный сын Церкви православной, каждый патриот русского

государства видели в самодержцах всероссийских своих державных вождей.

Неограниченность и самоограниченность самодержавной власти

Можно ли назвать верховной властью ту, которая не является полновластием и не может сделать то, что ей желательно? Яснее ясного, что такую власть назвать настоящей верховной властью никак нельзя. Она является лишь ограниченной властью, имеющей властных конкурентов в государстве.

Закреплённая в русском государственном праве юридическая неограниченность самодержавия в Российской империи естественно подразумевала, что фактически самодержавная власть самоограничивала себя массой религиозных и национальных традиций. Нормы же права исходят от верховной власти, которая одна только и может законодательствовать.

Неограниченность верховной власти заключается в том, что никакая другая власть не имеет в государстве равенства с верховной властью, никакая другая власть не имеет возможности ограничить свободу верховной власти и нет никаких юридических или фактических препятствий, которыми верховная власть должна ограничиваться в своей деятельности. Верховная власть является неограниченной, если свободе её властвования в государственном организме не положено границ и препятствий, если она не имеет себе юридических конкурентов и если она не подчинена никакой другой власти в государстве или вне его.

Различие между понятиями *верховенства* и *неограниченности* очень ёмко определил профессор П. Е. Казанский. В 1913 г. он писал: "Если верховенство понимается как власть, стоящая над правом и над подзаконным управлением, то неограниченность есть отрицание всяких возможностей, при которых эта власть могла бы оказаться ниже какой-либо другой или хотя бы на одной плоскости с какой-либо другой, а в результате этого и подправной. Неограниченность есть действительно только отрицательное выражение верховенства"¹⁹.

В дальнейшем неизбежно встаёт вопрос о соотношении неограниченности власти и деспотичности власти. Где граница между этими двумя понятиями?

Деспотическое правление никак не связано законом, при деспотии воля правителя, ясно выраженная им, тем самым уже и становится законом. Таким образом, закон представляет собой трудно определимую и непостоянную почву для деспота. Неограниченный же самодержец, изъявляя свою волю в писаном законе, сам после его издания или собственноручного подписания самоограничивает свою волю уже появившимся на свет законом, что даёт возможность устойчивого функционирования государственному законодательству. Иначе говоря, монарх неограничен в праве издания, изменения и отмены законов, но самоограничен в обязанности подчиняться этому закону, пока не пришло время его изменения или отмены. Законы для верховной власти имеют, таким образом, лишь нравственное значение. Как только нравственная правда закона перестаёт работать, как только закон перестаёт обеспечивать поддержание правды в обществе,

¹⁹ Казанский П. Е. Указ. соч. С. 306.

верховная власть теряет необходимость самоограничиваться в отношении такого закона и либо изменяет, либо отменяет его вовсе.

Самодержец владеет верховною властью не для утехи вседозволенностью, а для исполнения своего долга и для побуждения других к его исполнению. Посему, будучи ограниченным самой сущностью монархического принципа, он должен быть образцом служения долгу, правде. Л. А. Тихомиров даже считал самодержца органом абсолютной правды и справедливости в государстве, так же, как, например, суд – органом законности, армию – органом мужества.

Столь же самоограничивающее влияние на верховную власть имеет нравственное единение царя и нации, единение, коим росло и крепло государство русское. Именно в факте единения государя и народа можно увидеть смысл олицетворения государства в образе царя, а также возможности династической монархии вообще. Только единение народа и Верховной власти способно создавать династии, т.е. единение в историческом прошлом, настоящем и будущем. Наследственный монарх гораздо чаще является ближе нации, чем временный и недавний её правитель. Наследственный государь не добивался своей власти, а получил её от своих предков по праву рождения наследником престола, что не затрагивает никакого чужого самолюбия, и главное – наследственно полученная власть не обязывает её носителя никому и ничем, что сохраняет одинаковое отношение царя ко всем подданным без изъятия. Вообще, династичность является лучшим средством поддержания и сохранения монархической идеи как в монархе, так и в самом народе.

Важнейшим фактором единения является обязательное исповедание русским императором православной веры, веры русского народа, что даёт самую сильную связь – религиозно-нравственную – между царём и народом в России.

"Государь, – писал профессор В. Д. Катков, – ограничен рамками Православной Церкви и ответственностью перед Богом. Этим, с одной стороны, опровергаются нелепые обвинения в "олимпийстве" Верховной власти ("нет больше олимпийцев!..") или в возможности её столкновения с велениями религии и Христа; а с другой стороны, подчёркивается невозможность для самого Государя собственной волей изменить характер власти, освящённой Православной Церковью: он не может вводить таких в ней, власти, изменений, которые бы шли наперекор верованиям народа"²⁰.

Это подчёркивает предпочтение, выказываемое самодержавием как религиозно-политическим принципом, началу нравственному, что, собственно, и составляет большое ограничение при юридической неограниченности верховной власти.

Самодержавие – нравственно ценный государственный институт, "диктатура совести" (В. С. Соловьёв), содействующая как нравственному росту общества, так и росту его материального благосостояния. Служение самодержавию никак не противоречит христианскому служению человека вообще, это не раздвоение человека между Церковью и Государством, а единение в служении нравственному совершенствованию страны в целом.

²⁰ Катков В. Д. Нравственная и религиозная санкция русского самодержавия / В. Д. Катков. Харьков, 1907. С. 37–38.

Идеал самодержавия возрос в России не в безвоздушном пространстве, а в среде русского народа, посему принцип этот на нашей почве впитал многое из самобытной народной психологии. Преданность самодержавию была для многих синонимом преданности высшим интересам нации. Сие положение совершенно неизбежно в таком огромном государстве, как Россия, поскольку для его скрепы, кроме православной веры, наследственного и неограниченного самодержавия, необходимо ещё и господство, преобладание какого-нибудь одного народа, наиболее потрудившегося на поприще укрепления государства. Такой народ должен почитаться государствообразующим, и монарх не имеет возможности игнорировать фактическое положение вещей, почему неизбежно вводит в жизнь государства направляющий "дух нации" как некую общую силу, единящую государственность.

Как епископы есть "свидетели веры", так государь есть выразитель "духа нации". Как власть в церкви не у паствы, а у епископов, так и в государстве власть должна быть не у нации, а у императора, который является персонифицированным и единственным представителем народной воли.

Идея самодержавия есть вечная, всегда возможная идея государственного возрождения для России. Эта идея универсальна при решении проблем, стоящих перед нашим Отечеством. А потому применение её к нашему ослабевшему под влиянием "нравственных кислот" либеральной демократии государственному телу есть путь самого эффективного и решительного излечения современной смуты.

Взаимоотношения государства и Церкви: церковно-правовой взгляд

И будут цари кормители твои [Церкви].
Ис. 49:23

Мирская власть и священство относятся между собою, как тело и душа, необходимы для государственного устройства точно так же, как тело и душа в живом человеке. В связи и согласии их состоит благоденствие государства.

Эпанагога (вторая половина IX в.)

Народ, который не верит, должен служить другим.

Алексис Токвиль

Естественно ли разделение Церкви и государства.
Нет ничего более содействующего расцвету государственной жизни, как уверенность нации, что она ходит по путям Истины. Эта уверенность порождает народную энергию и последовательность в достижении успеха в своих земных предприятиях. "Человек с двоящимися мыслями нетвёрд во всех путях своих"¹, убеждённость же в знании истины помогает преодолеть сомнения и нерешительность, пагубно отражающихся на государственной жизни.

¹ Иак. 1:8.

Глубоко правильно писал библеист рубежа XIX–XX столетий, "что государство только тогда может процветать и развиваться, когда его граждане отличаются энергией, бодростью и настойчивостью в достижении своих целей – качествами, доставляемыми только верой"².

Вера в Истину повелительно потребует построить всю свою жизнь – личную, общественную и государственную – соответственно с основами той веры, которую искренне исповедует нация, ибо "истина обращается к тем, которые упражняются в ней"³, а не отводит ей лишь место, дозволенное современностью.

Православная церковь существует сегодня в России в политических и нравственных реалиях либерального дискурса. Последний по отношению к церковному мировоззрению имеет стойкую вековую антипатию, засвидетельствованную многочисленными гонениями христианского духа, то ли под ликом либерального свободомыслия, как кислота, способная медленно, но верно разъедать моральные и идейные устои традиционного общества, то ли под видом социалистического или коммунистического прямого разрушения, способного взрывать русское государство изнутри, подвергать его подданных междоусобной гражданской войне и многолетней духовной разрухе.

Сама жизнь показывает, что состояние настоящего современного общества нельзя назвать устойчивым ни в нравственном, ни в мировоззренческом смысле. Русское общество за последние два десятка лет – времени перестройки, реформ, шоковой терапии, нашествия всевозможных псевдорелигиозных сект Запада и Востока, культурной экспансии западной геомасскультуры – перенесло

² Сапожников А. А. Что есть истина? СПб., 1896. С. 6.

³ Сир. 27:9.

сильнейший духовный стресс, ставший последствием поражения советской государственности в "холодной войне".

Беда, как известно, не приходит одна. Потому и выход из-под советских идейных развалин не закончил наших мытарств, а подверг ещё большим испытаниям. С величайшим трудом начиная выходить из псевдозащитного охранения идеологических советских догм, постсоветский русский человек попал под мощнейшее влияние современного западного тотального мирового порядка. Ещё не успев отойти от советского эксперимента, у ещё неокончательно зарытой могилы коммунизма "восприемниками" многих постсоветских граждан явились западные победители в "холодной войне" и потащили этих не способных к сопротивлению неофитов в свои "чертоги" разнообразной мистики и развлечений.

Партийная советская идеологическая машина так бережно следила, чтобы народ не имел никаких идей кроме коммунистических, так старалась, чтобы население было "белым листом бумаги", на котором борцы идейного фронта смогли бы пропечатать самые общие коммунистические установки, что после падения коммунизма постсоветские люди в своём подавляющем большинстве оказались почти абсолютно неспособными к сопротивлению новой идейной экспансии. Люди, только вышедшие из разрушившегося советского прошлого, сразу попали в жёсткое либерально-демократическое настоящее, о злых духах и "светлых" идеях которого не подозревали ровно ничего.

И если бы не проповедь Церкви в этой новой религиозно-политической реальности нашего мира, если бы не выставленная православием мировоззренческая альтернатива этому "новому господству" в нашем обществе, то

русская цивилизация не имела бы ни одного шанса выдержать новый "натиск на Восток".

К сожалению, сегодня осознанию этой роли православного мировоззрения мешает довольно сильное распространение в светской среде, да и даже в некоторой части собственно церковной общины, суждение о том, что Православной церкви безразлична или по меньшей мере не важна форма власти в государстве, в котором она несёт своё служение. Эту позицию можно охарактеризовать как *икономную*⁴ в отношении влияния Церкви в мире, позицию, суживающую церковную роль в современном посткоммунистическом русском обществе. Отчасти такое мнение корнями уходит ещё в советское секуляризованное сознание, отчасти питается новыми и одновременно уже старыми либеральными идеями "о свободной Церкви в свободном государстве" (идея, на которой остановились европейские государства после Реформации и многолетних религиозных войн)...

Вообще, наивно думать, что Церковь и государство могут полюбовно "развестись", отделиться друг от друга юридически и духовно, но оставаясь физически друг в друге. Абсурдность республиканско-либерального принципа отделения Церкви от государства с девизом "свободная Церковь в свободном государстве" очень хорошо была вскрыта ещё знаменитым богословом-каноником, епископом Иоанном (Соколовым) (1818–1869). "По законам природы, – рассуждал владыка, – свободная сила не может безусловно существовать в другой свободной силе: между ними должна быть или связь, следовательно, взаимодействие, и поэтому одна сила будет

⁴ Икономия – христианский метод решения задач с позиции снисхождения и практической пользы.

сдерживать, ограничивать так или иначе другую; или будет между ними борьба, и одна сила будет стремиться подавить другую, чтобы быть вполне и действительно свободною"⁵.

Более прямолинейно дилемму отношений Церкви и государства должно сформулировать как – либо связь, либо борьба. Путь религиозного индифферентизма, на первый взгляд вроде бы являющийся со стороны государства третьим путём в этой коллизии, с исторической точки зрения есть лишь периодически затухающая борьба против Церкви уставшего и временно ослабевшего секуляризованного светского сознания, которая непременно разгорается всякий раз после подобного перерыва. Таким образом, религиозный индифферентизм является не наиболее толерантным для Церкви светским принципом, а лишь наиболее расчётливым и умным противником. Безразличие индифферентизма к религии, как тонко подметил профессор И. С. Бердников, есть "безразличие тенденциозное", которое выражается следующим принципом – "не должно быть религии ни в гражданских, ни в политических отношениях"⁶.

Это рассуждение знаменитого русского канониста, Ильи Степановича Бердникова (1839–1915), ещё раз подтверждает, что нет союза между Светом и Тьмой, и если когда-либо кажется, что борьба антицерковности с церковностью ослабевает, то это лишь значит, что либо церковная сторона сильна, либо – антицерковная накапливает силы для продолжения борьбы. Стремление

⁵ Иоанн (Соколов), епископ. Церковь и государство // Христианское чтение. Часть первая. 1865. С. 512.

⁶ Бердников И. С. Новое государство в его отношении к религии. Казань, 1888. С. 68.

к воцерковлению (приведение законов государства к ответственности церковным канонам) государственности, стремление к духовному союзу с государством, проповедь церковного учения о христианском государстве – в современном нам обществе есть такое же церковное миссионерство, как, например, выяснение и обличение неправомыслия еретических, раскольнических или сектантских религиозных учений.

Православной церкви не безразлично, в каком государстве она служит Богу, находится ли она в гонении, в притеснении или в положении господствующей духовной силы. Да, проповедь Христа была всегда возможна, в том числе и в годы самых страшных гонений; да, кровь мучеников за веру создаёт новых христиан.

Но не даёт ли нам церковная история примеров, когда поместные церкви (например, африканские) исчезли с лица земли без покровительства православных государей при нашествии мусульман.

Разве после взятия Константинополя в 1453 г. и по сей день не ущемлена Константинопольская церковь, и всё более не сокращается её паства; а разве не то же самое испытали на себе и все восточные православные церкви? Да, врата адовы не одолеют Церкви, но разве господство этих Церквей при Византийских василевсах можно сравнивать с униженным выживанием при турецких султанах, а сегодня при сирийских социалистах или иудейских фундаменталистах. Безразличие к тому, что происходит вне церковных стен, не соответствует принципу воинствующей со злом Церкви.

Небезразличное отношение к государству видно в актах VII Вселенского Собора по восшествию на престол православного императора Константина с матерью его

Ириною после царствований иконоборческих императоров. В этих актах видна радость Церкви, в них мы читаем следующее: "Священник есть освящение и укрепление императорской власти, а императорская власть есть сила и поддержка священства... Священство хранит и заботится о небесном, а императорская власть посредством справедливых законов управляет земным. Теперь преграда пала, и желаемая связь восстановлена"⁷.

Речь идёт о радости Церкви по поводу восстановления православной симфонии между Церковью и государством.

В связи с этим хочется вернуться к работе профессора И. С. Бердникова, уже цитировавшейся выше, в которой он пишет: "Человек не может двоиться в своём мировоззрении, в своих принципах, как предполагает, по-видимому, новое [*построенное на либеральном принципе*. – **Прим. авт.**] государство. Он не может оставаться долгое время на распутии двух разнородных цивилизаций. Он не может в одно и то же время верить в Бога, в святое Евангелие, и признавать святость законов государственных, противоречащих закону Божию. Человеку трудно учиться вере после того, как он пройдёт школу, игнорирующую веру или прямо враждебную ей.

Ему тяжелее должны казаться требования религии после того, как гражданское общежитие освободило от них его и себя. Вообще, не может человек служить в одно и то же время двум господам с одинаковым усердием. Теперь только ещё начало деятельности нового государства... Но не дай Бог, если возобладает в политической

⁷ Цит. по кн.: Никодим (Милаш), епископ. Православное церковное право. СПб., 1897. С. 683.

жизни народов демократическое направление. Тогда достаточно пройти двум, трём поколениям, воспитанным в началах новой безрелигиозной цивилизации, и новому государству, вероятно, не будет надобности маскироваться титулом христианского. Справедливо замечают даже поклонники нового государства, что религиозная терпимость, проистекающая из безразличия к делу религии, находится в близком родстве с преследованием, что индифферентизм есть самая опасная форма враждебности к религии"⁸.

Да, современное государство в большой степени индифферентно к Церкви, а значит, близко к борьбе с ней. Но разве римское государство не было враждебно Церкви, разве оно не устраивало массовых гонений на христиан? Разве во времена гонений не было слов Тертуллиана – "мы уже и во дворцах ваших", т.е. что христианами становятся уже и государственные чиновники, и приближённые императора? Разве потом не было и самого святого равноапостольного Константина, водрузившего изображение спасительного Креста на своём знамени (лабаруме)? Или сегодня церковная проповедь не может "во дворцах либерализма" найти себе приверженцев и приводить ко Христу первых лиц современного государства?

Государство, в отличие от Церкви, естественно, есть временно-земное учреждение, но оно так же божественного установления. И власти церковные, как и государственные, имеют свою власть от Бога⁹.

⁸ Бердников И. С. Новое государство в его отношении к религии. С. 69.

⁹ "Да увидят живущие, яко владеет Вышний царством человеческим, и ему же восхощет, даст е" (Дан. 4, 14; 5, 21); "Мною царие царствуют, и сильнии пишут правду; мною вельможи величаются, и

Церковь может и должна поэтому всякий раз напоминать государству, в лице его представителей, что власть государственная имеет происхождение от Бога, а не от многомятежного человеческого хотения. Любой власти придётся отвечать перед Всемогущим, Милостивым, но и справедливым Творцом, а не перед безгласными избирателями.

"Бог есть Творец, – писал знаменитый сербский канонист, епископ Никодим (Милаш) (1845–1915), – не только человека, но и общества. Он вложил в самую природу человека любовь к общественной жизни, вселил в человека стремление к общению с другими людьми. В сотворении жены, данной Богом человеку в качестве друга, мы видим первый акт в предначертаниях Божиих об обществе... Но эта первая семья не могла остаться ограниченной тесным кругом мужа и жены, и их непосредственных потомков, а естественно должна была расширяться за пределы семейства и постепенно составить большую общественную единицу". Человек должен был прославлять Бога, и общество должно было делать то же, но с падением человек стал прославлять самого себя. "Но Бог, по вечной Своей премудрости и безграничной благодати, не захотел оставить человека и общество в таком неопределённом положении, и, умилосердившись над своим созданием, обещал ему послать Искупителя, "когда наступит полнота времени"; а между тем вместо первобытного устройства, Он в первом же семействе установил власть мужа над женою и тем власть главы семьи над всеми остальными членами её. Этим тотчас же после падения человека и в самом

властители держат землю" (Прит. Солом. 8, 15 и 16); "Слышите убо царие и разумейте, научитесь судии концев земли... яко дана есть от Господа держава вам и сила от Вышняго" (Прем. Солом. 6, 1 и 3).

начале общественной жизни в мире было положено основание верховной власти одного над другими, ограничено самоволие отдельных лиц волею верховной власти одного. От семьи власть человека переходит в господство над миром и владение им в силу положительной заповеди Божией, во имя власти Божией. Следовательно, первое семейство положило основание государству, сообщив ему те свойства, которые оно само получило и имело"¹⁰.

Даже сам Христос повиновался прокураторской власти Пилата, поставленного Римским императором, когда говорил: "Не имаши власти ни единые на мне, аще не быти дана свыше", – тем самым указуя, что его власть так же от Бога, и, повинувшись власти Пилата, Христос повинуется власти Творца.

О том же говорят и апостолы Павел¹¹ и Пётр¹².

Церковь не должна принципиально отказываться от влияния на государство, каким бы антихристианским оно

¹⁰ *Никодим (Милаш)*, епископ. Православное церковное право. СПб., 1897. С. 667–668.

¹¹ "Всяка душа властем предержажим да повинуется: несть бо власть, аще не от Бога; сущие же власти от Бога учинены суть. Тем же противляяйся власти, Божию повелению противляется; противляющийся же себе грех приемлют. Князи бо не суть боязнь добрым делом, но злым. Хочещи же ли не бояться власти? Благое твори, и имети будещи похвалу от него: Божий бо слуга есть, тебе во благое. Аще ли злое твориши, бойся: не бо всуе меч носит; Божий бо слуга есть, отмстити в гнев злое творящему. Тем же потреба повиноваться не токмо за гнев, но и за совесть" (Рим. 13, 1–5).

¹² "Повинитесь убо всякому человеку начальству Господа ради: аще же царю. Яко преобладающу; аще ли же князем, яко от него посланным, во отмщение убо злодеем, похвалу же благодворцем: яко тако есть воля Божия" (1 Пет. 2, 13–15).

не казалось. Ожидать гонений и радоваться их временному стиханию – не позиция воинствующей и миссионерствующей Церкви. Пока в мир не пришёл антихрист, который соединит в себе власть всех государств, до тех пор христианская власть в государстве возможна, и стремиться к христианизации государства нужно, одновременно не переставая повиноваться той государственной власти, которая есть¹³. Хотя бы потому, что Церковь никак не может избежать отношений с государством. "Но если уже, – пишет епископ Иоанн (Соколов), – неизбежно совместное существование двух царств от мира и не от мира, то наилучший вид соотношений между Церковью и государством есть тот, когда они единством веры и духа входят между собою в благонамеренный, общепользительный союз"¹⁴.

Ещё более неизбежен и необходим подобный союз государству, которое без духовного влияния Церкви остаётся лишь с одним возможным влиянием на своих граждан, а именно страхом физического наказания. Государству в его многочисленных земных заботах, если оно, конечно, желает искренне заботиться о своих гражданах и о своих государственных интересах, никак не обойтись

¹³ "Исходя из богоустановленной природы государства, Церковь не только предписывает своим чадам повиноваться государственной власти, независимо от убеждений и вероисповедания её носителей, но и молиться за неё, "дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте" (1 Тим. 2, 2) (цит. по: Цыпин В. Церковное право. 2-е изд. М., 1996. С. 415). Ещё Тертуллиан писал: "Мы приносим жертву [Евхаристии] за императора Богу нашему и приносим так, как заповедал нам Бог: с чистою молитвою" (цит. по ст.: Иоанн (Соколов), епископ. Церковь и государство // Христианское Чтение. Часть первая. 1865. С. 524).

¹⁴ *Иоанн (Соколов)*, епископ. Церковь и государство. С. 511.

без воспитывающей нравственной силы Церкви, которая одна только и может преподать подданным государства истинные понятия о христианских гражданских добродетелях.

"Государство, – пишет профессор И. С. Бердников, – всего менее может игнорировать именно религиозно-нравственные начала, которыми живёт народ. Каждое государство, независимо от сходства с другими по одинаковости жизненных целей и задач, ими покровительствуемых, имеет и свою особенную природу, зависящую от различного способа удовлетворения жизненных целей, от различного склада идей, которыми живёт народ, одним словом, от особой цивилизации народа. Известный склад цивилизации влияет необходимо и на характер учреждений, входящих в государственный организм, и характер самого государства. Главной же основой цивилизации всегда служила и служит религия народа. Религией главным образом определяется мирозозерцание народа. Нравственные правила, ею преподаваемые, служат фундаментом правового порядка. Эти положения составляют истины общепринятые. Если так, то опять следует, что религия никак не может быть для государства делом посторонним и безразличным"¹⁵.

О религиозной терпимости и свободе совести. Проблема свободы совести решается совершенно различно в православии и в современном секуляризированном обществе. В православии совесть верующего человека не имеет свободы выбора содержания веры, человек в вопросах веры не является творцом, а лишь учеником. А догматическое же современное сознание желает

¹⁵ Бердников И. С. Новое государство в его отношении к религии. С. 67–68.

сделать человека господином и в этой сакральной области, последовательно проводя принцип антропоцентризма: человек – мера всех вещей, а значит, и религии. Это, по сути, есть отрицание метафизики, отрицание за религией, Богом самобытности. Поэтому для церковного сознания всегда было характерно критиковать такое понимание свободы совести.

"Если свобода совести, – писал епископ Иоанн (Сokolov), – в том состоит, что религия должна основываться на собственных, личных убеждениях его ума и сердца, не стесняемых никакими внешними влияниями, что в отношениях человека к Богу, составляющих сущность религии, никакой внешний авторитет не может управлять человеком, а должно действовать его собственное сознание и чувство: то при этом сама религия может ли и должна ли заключать в себе положительное учение, определительные требования, действительный суд над человеком, и всё это обязательно ли для человека при свободе его чувств и убеждений, или нет? Если да, то человек, свободный в религии отвне, не будет свободен в ней самой: он должен быть ей послушен, ей предать свой разум, своё сердце и волю. В таком случае свобода *совести* не есть ли только преувеличение понятия, неправильное выражение, даже самообольщение и заблуждение? Если же нет, – если самое содержание религии не обязательно для человека, то не нужно ли признать, что человек может быть и полновластным в религии, быть не учеником и исполнителем её, а самоучителем и судьёю, то есть свободно может сам себе составлять учение религии, выбирать в ней себе удобные правила, отвергать не удобные, и сам будет определять свои отношения к Богу? А подумает ли он и узнает ли, и откуда узнает, как сам Бог относится

к нему, – что может открыть человеку только религия, происходящая от самого Бога и, следовательно, независимая от человека? Словом сказать, полная свобода человека в содержании религии равняется отрицанию её в совести, ведёт к уничтожению её в действительности"¹⁶.

И правда, не может ведь совесть, глас Божий, исходить из временных понятий цивилизаций, быть на столько "ручной", чтобы изменяться вослед за ежеминутными веяниями "духа времени". Поэтому за пониманием оснований истинной свободы совести необходимо обращаться к самой религии.

Такой подход совершенно противоречит православной вере.

"Христианство, – пишет профессор И. С. Бердников, – есть религия всеобъемлющая и оживотворяющая все стороны жизни. Христианин не может двоиться в правилах своей жизни, не может быть христианином только в частной жизни, а в жизни общественной держаться воззрений и правил, осуждаемых и запрещаемых христианством. Государство, состоящее из граждан, исповедующих в громадном большинстве христианскую православную веру, необходимо должно иметь и законы, согласные с духом христианского нравственного и социального учения"¹⁷.

Примат свободы совести объявляет все религии равными и равно свободными. Свобода совести признаёт

¹⁶ Иоанн (Соколов), епископ. О свободе совести. Религиозные основания и исторические начала этой свободы // Христианское чтение. Часть третья. 1864. Сентябрь. С. 40–41.

¹⁷ Бердников И. С. Краткий курс церковного права. Изд. 2-е. Казань, 1913. Т. 2. С. 1290–1291.

в религиозных вопросах высшим судьёй убеждения каждой в отдельности личности. Личность, а не богооткровенная религия, становится авторитетом в вопросах веры. Идея свободы совести говорит, что религия есть частное дело каждого и что потому именно и необходимо отделение Церкви от государства.

Свобода совести в либеральном духе противоречит Церкви именно тем, что предлагает наделить единичную личность свободой в религиозном мире, в мире, где есть только религиозные общины, а не отдельные личности. Верующий человек в мире религии живёт не один на один с нею, а в обществе, в союзе верующих людей, в Церкви, а потому, становясь членом Церкви, он принимает на себя обязательства, дисциплину и учение общества, которое ему преподаётся как живая традиция, которой нужно следовать, а не которую нужно ещё сотворить.

"Что такое Церковь? – вопрошает епископ Иоанн (Соколов) и сам же отвечает. – Не *собрание* только верующих во Христа, а *общество* христиан, соединённых собою единством веры и духа, которое утверждено в точном, определительном исповедании божественного учения. Не трудно понять, что тут не может быть места независимой свободе мнений или совести. Может ли какое бы то ни было общество держаться там, где входящие в него люди не обязываются, или не считают себя обязанными следовать общим правилам, а каждый из них может иметь для себя свои правила? И это – в пределах не частных, касающихся *своих* дел каждого, а именно в основных идеях общества, составляющих положительные цели его? А какие цели Церкви? Сохранение в мире веры Христовой, распространение Евангелия, утверждение на

земле благодатного царства Христова – и в нём освящение и высшее духовно-нравственное совершенствование людей"¹⁸.

Отсюда, из цели проповедования православной веры всем народам во спасение, и формируется отношение к другим вероисповеданиям на основе не свободы совести, не индифферентного равного уважения всех, а деятельной духовной борьбы с неправосмыслием других религиозных систем, сопряжённой хотя и с терпимостью к ним, но отрицанием за ними всяческой благодатности и спасительности, а значит, признанием духовной вредности.

Так, например, говоря об апостольских постановлениях, владыка Иоанн (Соколов) подчёркивает: "Особенного внимания здесь требуют правила против религиозного общения христиан с иудеями, еретиками и язычниками. Какая мысль этих правил? Какой дух? Какая цель? В основе их не надобно видеть нетерпимости, которую можно было бы объяснить только духом времени; в целях правил нет мысли произвести совершенное разобщение между людьми разновременными, мысли, которая происходила бы от религиозной суровости или от недостатка широты в любви христианской; также совсем нет в этих правилах и духа рабства, т.е. нравственного порабощения человеческой воли игом внешнего закона, противовольно налагаемому на христианина из презрения к человеческой природе или ненависти к свободе. Основания и цели указанных правил – совсем другие, высшие: мы означим их одним общим названием – церковные. Нужно было утвердить новооснованную Христом Церковь, дать

¹⁸ *Иоанн (Соколов)*, епископ. О свободе совести. Религиозные основания и исторические начала этой свободы. С. 58.

ей прочные опоры, раскрыть и укрепить её дух, оградить её от всякого вредного влияния со вне, дать верный, твёрдый ход её жизни к назначенным для неё свыше целям. В таких видах, кроме того, что нужно было определить, так сказать, каждый шаг юного общества христиан, определить верно и точно на пути духовного его развития, надобно было ещё оградить в жизни их основания самого общества или точнее – общественности, так, чтобы это было бы действительно тело Христово и верующие были действительно живыми членами этого тела: ибо духовное преспеяние христиан и целого христианства в мире не иначе должно было и могло развиваться, по мысли самого Божественного Основателя веры, как в образе и составе Церкви, то есть именно духовного общества христиан, а не под видом отдельного воспитания в вере каждого христианина и всех – врознь. Что же для этой цели было нужно? Упрочить самыми крепкими связями единство веры и духа между христианами: иначе Церковь не могла бы долго существовать в мире и назначение христианства не могло бы быть выполнено"¹⁹.

Права православия и охранение их государством.

Но перейдём к теме отстаивания православным государством прав Церкви, которая издавна для сохранения своего мира, благоустройства и благочиния просила помощи у государства, когда собственно духовные меры у Церкви не достигали результата. Об этой охранительной помощи государства говорят многие церковные правила (Карфагенский собор – правила 59, 69, 74, 78, 86; Антиохийский собор – правило 5; Двукратный собор – правило 9).

¹⁹ *Иоанн (Соколов)*, епископ. О свободе совести. Религиозные основания и исторические начала этой свободы. С. 119–120.

"Известно, – писал профессор Т. В. Барсов, – что по объявлении христианства господствующим вероисповеданием в Империи, государственная власть, в видах большого торжества христианской веры и большего успеха благотворного её влияния на общество, предоставила Церкви, и в частности её служителям, разные преимущества и привилегии в гражданском и общественном отношении. От участия во всех этих преимуществах и привилегиях были совершенно удалены и исключены иноверцы и еретики, как приверженцы и распространители противного вере нечестия. Преимущества (поставил ещё закон императора Константина), данные из уважения к религии, должны быть распространены только на чтителей православного закона. Что же касается еретиков и раскольников, то хотим, чтобы они не только были чужды этих преимуществ, но и несли различные повинности"²⁰.

Права Православной церкви в обществе, которые требуют охранения государственной власти, очень мудро сформулировал епископ Иоанн (Соколов). "Священные права Церкви православной, первенствующей в обществе, – пишет этот знаменитый русский канонист, – требуют: *первое*, чтобы иноверные религии не имели права распространения между православными в обществе, где эта Церковь должна господствовать, и где следовательно это право для неё одной должно быть сохранено (Карф. 104, 105, 112); *второе*, чтобы иноверцы своими открытиями обрядами не производили соблазна и вреда для сынов Церкви, особенно, чтобы своим вмешательством

²⁰ Барсов Т. Об участии государственной власти в деле охранения древней вселенской церкви и её веры // Христианское чтение. Часть первая. 1877. С. 818.

или насилем не делали никакого замешательства в Православной Церкви, в её собраниях, обрядах, управлении (Лаодик. 6; Тим. 9; Ап. 75; II Всел. 6); *третье*, чтобы намеренно не препятствовали распространению православной веры в своих обществах и свободному обращению к ней желающих из своих членов; *четвёртое*, чтобы, не подлежа прямо внутренним законам Православной церкви, касающимся только её членов, не нарушали внешних, к ней относящихся постановлений, как-то: относительно её мира, благочиния, прав гражданских (Карф. 104); наконец, *пятое*, чтобы со стороны государства употреблены были надлежащие меры к предупреждению и пресечению всяких совращений в иноверие от веры православной (Карф. 69, 71, 95, 104, 120)²¹.

Теперь посмотрим, каково было отношение Православной церкви и государства к неправославным в областях личной и общественной жизни. Для этого попытаемся выяснить, есть ли в Священном Писании какое-либо указание на отношение правоверных к иноверцам и иноземцам, и как этому соответствовала история православных государств.

Святитель Иоанн Златоуст не ложно утверждал: "Пророчества [*ветхозаветные*. – Прим. авт.] имеют, между прочим, и такое свойство, что многое, сказанное об них (иудеях), исполняется и на других". Такое применение пророчеств основывается на словах Соломона: "Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, – и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чём говорят: "смотри, вот это новое"; но *это* было уже в веках, бывших прежде нас... Что было, то и теперь есть,

²¹ Иоанн (Соколов), епископ. Церковь и государство. С. 536–537.

и что будет, то уже было, – и Бог воззовет прошедшее"²², и словах апостола Павла: "Всё происходило с ними [с древними израильтянами], как образы; а описано в наставление нам, достигшим последних веков"²³.

Священное Писание, говоря о пришельцах (т.е. иноземцах) говорит: "Для вас, общество Господне, и для пришельца, живущего у вас, устав один, устав вечный в роды ваши; что вы, то и пришелец да будет пред Господом"²⁴. "Но, – А. А. Сапожников, толкуя это библейское место, говорит, – уравнивая пришельцев с коренными жителями относительно прав, Священное Писание уравнивает их и относительно обязанностей, гражданских и религиозных. Другими словами – пришельцы должны были принимать и исповедовать религию коренных жителей"²⁵.

Священное Писание говорит и о том, что пришельцы должны наравне с коренными жителями отмечать все праздники, Пасху и другие²⁶, слушать и научиться Закону Божию²⁷. Эти постановления ясно говорят, что допускать переселение в православную Россию можно только православных или обязавшихся принять православие иностранцев, и только при таком условии не должно быть никакого изъятия в их правах.

В противном случае иноверные группы, принимаемые в православный организм империи, так и останутся

²² Екклес. I, 9, 10; III, 15.

²³ I Кор. X, 11, 6–10; Римл. XV, 4.

²⁴ Числ. XV, 14–15.

²⁵ Сапожников А. А. Иноверцы и иноземцы в России (Их права и отношение к коренным жителям). СПб., 1898. С 3.

²⁶ Втор. XVI, 11–17; Числ. IX, 14.

²⁷ Втор. XXXI, 12; Нав. VIII, 33–35.

обособленными и инородными телами, зачастую вступающими в союзы с различными внешними врагами Отечества. Из истории Византийской империи можно привести в качестве примеров ариан готов, поселённых в империи, сохранявших свою враждебную обособленность и поднимавших восстания, и колонии католиков гунуэзцев в Константинополе, которые приложили свою предательскую руку к падению столицы Царства греков.

Возвышение пришельцев Священное Писание считает верным признаком несоблюдения Божиих повелений и говорит: "Пришелец, который среди тебя, будет возвышаться над тобою выше и выше, а ты опускаться будешь ниже и ниже. Он будет главою, а ты будешь хвостом. Пошлёт на тебя Господь народ наглый, который не уважит старца и не пощадит юноши; и будет теснить тебя во всех жилищах твоих, во всей земле твоей"²⁸.

Именно поэтому права гражданства давались очень осторожно и с разумением. Есть в Священном Писании и такое повеление: "Не гнушайся Идумеянином, ибо он брат твой, не гнушайся Египтянином, ибо ты был пришельцем в земле его; дети, которые у них родятся, в третьем поколении могут войти в общество Господне"²⁹. То есть, как нам кажется, это место в Священном Писании говорит, что есть народы, способные воспринимать истинную веру под воздействием совместной жизни с православными, т.е. религиозно ассимилироваться, однако Слово Божие говорит, что есть народы, у которых "и десятое поколение их не может войти в общество Господне во веки"³⁰. Что же это за народы? Вероятно, узнать о них

²⁸ Втор. XXVIII, 43–52, 63.

²⁹ Втор. XXIII, 7, 8.

³⁰ Втор. XXVIII, 3, 4.

можно только исходя из истории самой империи, в которой одни народы легко перенимали православие (как, например, финские народы), а другие были глухи к нему.

Какие же отношения государства и Церкви назвать церковно-благоприятными, заслуживающими названия покровительственных?

Определение отношений Церкви и государства – компетенция последнего. Именно оно в многочисленных церковно-государственных делах: в вопросах открытия новых церковно-административных и церковно-судебных учреждений, в основании новых церковных округов, епископских кафедр, оснований новых монастырей, приходов брачных дел, вопросах регистрации рождений и смерти, в утверждении государственного значения за церковными праздниками и поддержании особого благочестивого порядка их празднования, преподавания Закона Божия в школах и богословия в высших учебных заведениях и т.д. показывает своё отношение к Церкви.

История православных империй явственно говорит о том, что государство было заинтересованно в поддержании господства Церкви и православной веры в своих подданных и ригористки боролось с еретиками и сектами доступными ему властными методами и репрессалиями.

Так, о поддержании государственного значения православия в византийском обществе профессор И. С. Бердников пишет: "Исповедание христианской веры было непременно обязанностью всякого гражданина в Византийской Империи. Отсюда естественно, что отступление от христианства в язычество, еврейство или другую секту должно было влечь за собой ограничение или же потерю гражданского состояния. По законам Феодосия Великого и Валентиниана III отступники от христианской веры

наказывались инфамией, лишались всех прав гражданского состояния, в том числе и права распоряжения своим имуществом и права получения имущества по завещанию других. А император Юстиниан угрожал отступникам смертною казнью.

Граждане Византийской Империи обязательно принадлежали к государственной христианской вере, должны были и исповедовать её согласно православному учению, утверждённому на вселенских соборах и признанному со стороны государства. Всякое отступление от признанного Церковью и государством образца православной веры было не только нарушением правил веры, но и государственным преступлением, потому что оскорбляло Бога, покровителя государства, и было знаком непочтения к Императору, исповеднику Православия. Отсюда, как необходимое следствие, репрессивные меры против еретиков и раскольников: 1) денежная пеня за поставление клириков для еретических обществ; 2) удаление из столиц или из других городов еретических епископов и клириков, вообще учителей и распространителей ереси; 3) ссылка для ересеначальников и главных их сообщников; 4) лишение права почётной государственной службы для всех еретиков и раскольников; 5) лишение прав имущественных – конфискация в казну имущества еретиков и раскольников после их смерти, а иногда и при их жизни; 6) угроза смертною казнью тем еретикам, на которых не действовали исправительные меры и которые не подчинялись постановлениям против них законам³¹.

К некоторым особенно нетерпимым еретикам, как павликиане, богомилы или манихеи, применялись более строгие меры. Так, например, манихеи лишались всех

³¹ Бердников И. С. Краткий курс церковного права. С. 769–770.

гражданских прав: на распоряжение своей собственностью, продавать и покупать, заключать договоры, свидетельствовать в суде и даже изгонялись из пределов империи.

Византийское государство глубоко почитало православные праздники и содействовало их благочестивому проведению. Так, законы повелевали прекращать общественные и частные работы (с изъятием из правила только земледельцев), производство суда и приведение в исполнение приговоров, запрещались театральные и иные общественные развлекательные зрелища.

Церковное имущество, хотя и не освобождалось от государственных налогов, но было освобождено от муниципальных повинностей. Одновременно само духовенство освобождалось от всех личных натуральных повинностей, а платило лишь налоги с имущества, как и остальные граждане империи.

"Византийский император имел постоянные сношения с органами церковного управления. У Константинопольского патриарха для этих сношений с императорским двором было особое должностное лицо – референдарий, который передавал императору то, что ему поручал патриарх. Прочие патриархи имели в столице постоянных доверенных лиц, называвшихся апокрисиариями, для представления императору различных просьб о нуждах церквей, находящихся под ведением патриарха"³².

У епископов были широкие полномочия в контроле за государственными чиновниками. Так, епископы имели право и обязанность посещать еженедельно тюрьмы, наблюдать за правильностью порядка заключения и решения без замедления дел заключённых; имели право

³² Бердников И. С. Краткий курс церковного права. С. 775.

защиты всех угнетаемых, через своих особых чиновников – дефенсоров, которые могли отстаивать права таких лиц в суде; имели право разбирательства гражданских тяжб как третейские судьи, и их приговор не мог быть обжалован; имели право принимать жалобы на государственных чиновников и ходатайствовать об удовлетворении обид, вплоть до посылки просителя со своей грамотой к императору; имели право участия в делах опеки и попечительства; имели обширные права в делах городского управления (участие в выборе городских должностей, наблюдение за исполнением своих обязанностей городскими чиновниками и т.д.).

В России церковно-государственные отношения развивались под сильным влиянием Византии, поскольку, приняв христианство, русское государство переняло и традиции церковно-государственные.

В Византии было своё учение о всемирном православном царстве, по которому у всех православных христиан есть одна церковь – Православная, и одно государство – Византийская империя. До выделения Русской православной церкви в 1447 г. в автономную поместную Церковь, вследствие признания Византией Флорентийской унии, Русское государство и русская Церковь в целом не противоречили этому византийскому пониманию православного царства. Принятие вместе с верою и византийского Номоканона говорит в пользу этого утверждения.

Влияние Византии особо заметно в период между княжеских распрей, когда митрополиты из греков старались проводить византийское понимание единоличной власти, мирить князей, внушать им необходимость единства власти.

"Содействие духовенства московским князьям выражалось не одними увещаниями, обращёнными к тем, кто противодействовал стремлениям их, но и прещениями по отношению к ним, а иногда и благословением Московских князей на брань для достижения прочного мира и порядка. Московские князья так высоко ценили благорасположение митрополитов в их политике, что иногда прямо опирались на их содействие; например, великий князь Иоанн II при смерти поручил попечение о своём сыне и преемнике Димитрии святителю Алексию. И святитель Алексей действительно до конца своей жизни был постоянным советником великого князя Димитрия и его правой рукой. Вообще Московские митрополиты Пётр, Феогност, Алексей с другом своим преподобным Сергием и Иона стяжали себе славу незабвенных поборников утверждения единодержавия в России"³³.

Учением о божественном происхождении власти государей был "положен краеугольный камень государственному строительству нашего отечества. Этим учением указано высшее назначение государственного общежития – в служении его делу Божию на земле, делу спасения людей для вечной жизни. Отсюда само собой следует, что в силу указанного высокого назначения своего христианское государство не должно допускать в своём законодательстве и в своих распоряжениях ничего несогласного с христианским нравственным учением и с христианской дисциплиной"³⁴.

Попечение государства о Церкви заключается в ограждении всех церковных учреждений, церквей и

³³ Бердников И. С. Краткий курс церковного права. 2-е изд. Казань, 1913. Т. 2. С. 829.

³⁴ Там же.

монастырей от внешних врагов государства, в доставлении Церкви необходимых прав и материальных средств для её благополучного существования, в создании наиболее благоприятных условий для духовного развития Церковью народа, в ограждении её судом и наказанием от всех посягающих на неё внутри государства.

Ещё Преподобный Иосиф Волоцкий в своём "Просветителе" говорил об обязанности государей гнать еретиков и наказывать за религиозные преступления. Об этом он говорит в своём 13-м слове так: "Слышите цари и князи, и разумеите, яко от Бога дана быть держава вам, яко слуги Божии есте. Сего ради поставих есть вас Бог пастыря и страха людем своим, да соблюдете стадо его от волков невреждимо. Вас бо Бог в себе место избрал на земли и на свой престол вознес посади, милость и живот положи у вас, и меч вышня Божия десница вручи вам. Вы же убо да не держите истину в неправде... и не давайте волю зло творящим человеком, то есть еретикам и отступникам, которые с телом и душу губят. Если же они сотворят зло, то на душу попустившаго падает грех, то есть на царя и на князя и на судей земских, аще власть дадут злотворящим человеком, о сем истязаны будут от Бога в страшный день второго пришествия Его"³⁵.

Это учение было официально признано государством и буквально изложено словами преподобного Иосифа Волоцкого в чине венчания царя Иоанна Грозного на царство.

Долгое время русским князьям не приходилось исполнять ещё одну их обязанность – охранять чистоту правоверия. История русской Церкви долго не давала повода к проявлению русскими Государями этой своей

³⁵ *Волоцкий И.* Просветитель. [Б.м.], 2006. Сл. 13.

обязанности. Повод дала Флорентийская уния, насаждению которой в Московском государстве лично воспротивился великий князь Василий Васильевич, заключив унитарствующего митрополита Исидора в монастырь.

В допетровской Руси кроме ересей уголовному преследованию со стороны государства подвергались и преступления против веры и нравственности. Так, в Уложении царя Алексея Михайловича к таким деяниям причислялись: идолослужение, волшебство и чародейство, ложная присяга, богохульство, церковный мятеж, приверженность к суеверным обычаям, ересь и раскол, соращение из православной веры, святотатство, дозволенные браки, кровосмешение, непочтение детей к родителям, блуд и прелюбодеяние, изнасилование, сводничество, противоестественные пороки³⁶.

Для применения наказания характерно было изначальное прибегание к духовному врачеванию, т.е. попытка рассмотрения преступления такого рода церковным судом. Если преступник раскаивался, то на него налагалась церковная епитимия, если же нет – тогда государство брало на себя решение его дальнейшей судьбы, т.е. подвергало преступника соответствующему уголовному наказанию (характерным примером здесь может быть преследование ереси жидовствующих).

Со времени реформ Петра I патриаршее устройство русской Церкви было отменено и введено было управление через Священный Синод, по поводу которого И. С. Бердников пишет: "По существу же дела, все перемены, какие испытал Св. Синод в течение своего существования в своём внутреннем строе, влекли за собой

³⁶ См. кн.: *Попов А. В.* Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904. С. 122–201.

постепенное отклонение его от канонического строя церковного управления и обезличение его с точки зрения церковной автономии"³⁷.

Послепетровские архиереи не раз обращались с просьбами восстановить каноническое управление Церковью. Так, на Предсоборном Присутствии (1906 г.) были даже выработаны конкретные положения по данному вопросу. Была предложена и более правильная редакция статей Основных Законов, имеющих отношение к Церкви. Так, статья 64 получала следующую редакцию: "Император, как православный Государь, есть верховный защитник господствующей Церкви и охранитель её благоустройства", статья же 65, такую: "В отношении Православной Церкви Самодержавная Власть действует в согласии с признанными ею всероссийским Церковным Повременным Собором, Священным Синодом и Предстоятелем Православной Русской Церкви – Патриархом"³⁸.

Эти строго канонические и симфонические отношения, выработанные перед революцией, к сожалению, так и не были введены в практику Российской империи. Но такое не строго каноническое управление Церковью, ведущее своё начало со времён Петра I, отменившего патриаршество, не уничтожило в Российской державе её православной сути.

Так, по чину коронования государь император всегда коленопреклоненно просил у Бога: "...Да наставит Его, вразумит и управит в великом служении, яко Царя и Судию Царству Всероссийскому, и да будет с Ним приседающая Божественному престолу премудрость, и да будет

³⁷ Бердников И. С. Краткий курс церковного права. С. 923.

³⁸ Журналы и протоколы Предсоборного Присутствия. Т. II. С. 644–646.

сердце Его в руку Божию, во еже вся устроить к пользе врученных Ему людей и к славе Божией, да и в день суда Его не постыдно воздаст Ему слово"³⁹.

А верховная власть Российской империи государственными законами подтверждала церковные установления о праздниках и причисляла к ним все воскресные дни в году, дни нарочитых церковных праздников (1, 6 января; 2 февраля; 25 марта; 9 мая; 29 июня; 6, 15 и 29 августа; 8, 14 и 26 сентября; 1, 22 октября; 21 ноября; 6, 25–27 декабря), те числа, в которые празднуются дни рождения и тезоименитства Государя и Государыни Императрицы, день тезоименитства Государя Наследника, день восшествия на престол, день коронования и те числа, в которые бывают пяток и суббота сырной недели, четверг и суббота страстной недели, Пасхальная неделя вся, день Вознесения Господня и день Сошествия Св. Духа. Сверх сего судебные присутственные места свободны от заседаний с 23 декабря по 2 января. Кроме означенных дней для некоторых городов устанавливаются особые праздничные дни, освобождающие присутственные места и училища от занятий.

"Хотя, – пишет профессор И. С. Бердников, – православное духовенство и не состоит на государственной службе, тем не менее его деятельность признаётся полезной не только для Церкви, но и для общества гражданского и для государства. Некоторым религиозным обрядам и священнодействиям, совершаемым духовными лицами, придаётся юридическое значение в гражданском

³⁹ Глава 5: О священном короновании и миропомазании. Ст. 57, 58. Примечание 2 // Свод основных государственных законов Российской империи. Раздел первый. Основные государственные законы.. 1906.

общежитии. Церковная запись о рождении и крещении признаётся гражданским актом, удостоверяющим рождение от законного брака или внебрачное происхождение. Бракосочетание совершается в форме венчания брака у христиан и в соответствующей религиозной форме у иноверцев. Развод брачный также производится по суду церковному. Погребение умерших совершается в форме религиозного молитвословия при участии духовенства. Преподавание Закона Божия признаётся обязательным предметом общего образования. Правительство наше оказывает всякое вспомоществование лицам, посылаемым церковною властью проповедывать Слово Божие иноверцам. Полиция помогает духовной власти в отправлении правосудия исполнением тех же поручений, какие возлагаются на нее отправлением правосудия светского⁴⁰.

При Петре I преступления против веры и нравственности были разделены между духовным и уголовным судопроизводством. Дела о богохульстве, еретичестве, раскольничестве, волшебстве, суевериях, правильных браках, разводах и прелюбодеянии оставались в ведении суда церковного, а дела о изнасилованиях, кровосмешении, неестественных пороках ведались уголовным судом⁴¹.

На практике же такое разграничение всё же часто не соблюдалось, и судопроизводство по одному и тому же делу производилось как церковным, так и гражданским судом (в делах о раскольниках, о неисполняющих

⁴⁰ Бердников И. С. Краткий курс церковного права. С. 958.

⁴¹ См. кн.: Попов А. В. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904. С. 202–203, 355–361.

ежегодной исповеди и т.д.). Хотя, конечно, отношение государства к подобным преступникам существенно изменилось, их уже не считали грешниками, а лишь нарушителями общественного порядка. В воинских артикулах Петра I есть даже такое несообразное установление, что "церковное покаяние назначается судом светским".

В дальнейшем особую роль сыграло Уголовное уложение 1903 г., дополняемое после 1905 г. законами о свободе совести. Уголовное уложение пошло ещё далее по секулярному европейскому пути, всё менее оказывая поддержку православной вере и всё более разрешая проповедь инославия и иноверия и даже не наказывая за соращения в них православных.

При всех этих "свободосовестливых" нововведениях законы Российской Империи всё же ещё утверждали господствующее положение в Империи Православной веры⁴².

Основными Законами Российской Империи положительно заявлялось, что Император Всероссийский не может исповедовать не Православную веру⁴³. И потому государство всё время обращается к Церкви за молитвенным освящением, прежде всего в чине коронования Государя Императора⁴⁴. Календарь гражданский определяется календарём Православной Церкви.

Православная Церковь пользовалась бóльшим, чем прочие исповедания правом публичного отправления

⁴² Глава 7: О вере. Ст. 62 // Свод основных государственных законов Российской империи. Раздел первый. Основные государственные законы. 1906; Уставы духовных дел иностранных исповеданий. 1906. Ст. 1.

⁴³ Глава 7: О вере. Ст. 63 // Там же.

⁴⁴ Глава 5: О священном короновании и миропомазании. Ст. 57, 58. Примечание 2.

богослужения. Только Православная церковь имела право убеждать инославных и иноверных к переходу в Православие⁴⁵, чему никто не мог препятствовать⁴⁶. На остальных же накладывалось ограничение в этом вопросе и даже уголовное наказание⁴⁷.

Не допускалось и совращение православных через брак с неправославными, последние в таком случае давали подписку, что не будут совращать православного супруга в свою веру, а детей будут крестить и воспитывать в Православной вере⁴⁸. Законную силу такой брак получал только если он был совершён православным священником по православному чину⁴⁹.

Иноверные и инославные исповедания в Законах Российской Империи назывались лишь терпимыми государством⁵⁰. К числу видов совращений из Православной веры в законах были поименованы следующие: публичная проповедь, речь или прочтение сочинения, распространения сочинений или изображений, побуждающих к переходу в другие вероисповедания или веры⁵¹.

Переход из христианского исповедания в нехристианское был запрещаем и уголовно наказуем⁵².

Далее нельзя не отметить, что субъективизм в религиозных вопросах в законодательстве Российской

⁴⁵ Уставы духовных дел иностранных исповеданий. 1906. Ст. 4.

⁴⁶ Уставы духовных дел иностранных исповеданий. 1906. Ст. 4, 5; Уложение о наказаниях. 1885. Ст. 184.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. I. По продолжению 1906. Ст. 67. СПб., 1906.

⁴⁹ Там же. Ст. 72–74.

⁵⁰ Уставы духовных дел иностранных исповеданий. 1906. Ст. 6–8.

⁵¹ Уголовное уложение. 1903. Ст. 90. СПб., 1903.

⁵² Уложение о наказаниях. 1885. Ст. 184–186. СПб., 1885.

империи был допускаем только настолько, чтобы он никаким образом не ущемлял права господствующей, государственной веры – православной.

Как писал один российский обер-прокурор: "По Основным Законам Российской Империи она [*Россия*. – **Прим. авт.**] есть государство конфессиональное и толерантное, в котором присвоается свобода веры всем российским подданным и в котором все веры распределяются по степени их совершенства с точки зрения единой истинной Православной Церкви. Из согласования принципа господствующей веры с принципом веротерпимости и образуется вероисповедная система, принятая нашим государственным строем"⁵³.

* *
*

Произошедшая в XX столетии атеизация советского государства не положила непреодолимой преграды в России в отношениях между церковным и государственным институтами. Умирание коммунистической идеологии, а вслед за ней неудача возрождения либерального "феврализма" (в 90-е гг. прошлого века) ставит в полный рост задачу возвращения к традиционным взаимонеобходимым отношениям этих важнейших общественных институтов.

Формально юридическое отделение Церкви от государства никогда не отделяло православия от русской истории, от веками сложившегося психологического и нравственного стереотипа национального поведения.

⁵³ Цит. по: Бердников И. С. Краткий курс церковного права. С. 1412.

Советское "отделение" Церкви от государства было кровавым религиозным гонением большинства населения СССР, приведшим государство как институт к гражданской войне с другими общественными институтами русского общества.

Только такое величайшее испытание, как Отечественная война 1941–1945 гг., несколько отрезвило советское руководство, и оно из сугубо практических соображений дало передышку Церкви для того, чтобы та смогла стать мощным помощником (идеологическим, нравственным, да и материальным) государства в борьбе с внешним врагом.

Современное тяжёлое положение российского общества, во многом потерявшего нравственные и мировоззренческие ориентиры, ригористки требует восстановления исторических взаимоотношений двух важнейших институтов нашего национального мира. Без здорового государственно-церковного мира мы не можем надеяться на самостоятельное выправление института государства как защитника слабого от сильного, бедного от богатого, поборника социальной справедливости, защитника национальных интересов и охранителя самой человеческой жизни в спокойствии, безопасности и духовной полноте.

Уважаемые читатели!

Вы можете подписаться на журнал
"Проблемы национальной стратегии"

Подписка осуществляется всеми отделениями связи.

Индекс журнала в каталоге агентства "Роспечать" – **46145**,
в каталоге "Почта России" Межрегионального агентства подписки – **35625**

Приобрести журнал, а также другие издания института можно в РИСИ
по адресу: г. Москва, ул. Флотская, д. 15Б.

Телефоны для справок: **8 (499) 747-93-38** (Книжная лавка)
8 (499) 747-93-35

Сайт в Интернете: <http://www.riss.ru>

Адрес эл. почты: mail@riss.ru, journal@riss.ru

Смолин Михаил Борисович

Церковь, государство и революция

Технический редактор *Ж. В. Логонова*

Корректор *Е. А. Сасова*

Компьютерная вёрстка *Г. И. Бабанова, Е. Г. Бычкова*

Художественное оформление *Е. А. Струкова*

Сдано в набор 21.02.2013. Подписано в печать 26.02.2013.

Формат 62x94/16. Бумага офисная. Гарнитура «Minion Pro».

Цифровая печать. Уч.-изд. л. 3,4. Физ. печ. л. 24.

Тираж 350 экз. Заказ № 08/13.

Оригинал-макет подготовлен федеральным государственным научным бюджетным
учреждением "Российский институт стратегических исследований".

Отпечатано в типографии РИСИ.

125413, г. Москва, ул. Флотская, д. 15Б.